

АНТОН КОЗЛОВ

За дверью

Часть 1

АНТОН КОЗЛОВ
За дверью. Часть 1

«ЛитРес: Самиздат»

2008

Козлов А. М.

За дверью. Часть 1 / А. М. Козлов — «ЛитРес: Самиздат», 2008

Фэнтези-памфлет. Вы молоды и только собираетесь вступить во взрослую жизнь. Вы - последний маг в этом мире. Ваше существование противоречит научной картине мира, угрожает государственным интересам и пугает общество. Вас хотят уничтожить. Спасение только за магической дверью, ведущей в другие миры.

Содержание

Глава 1. It's my life.	6
Глава 2. Дом Отшельника.	18
Глава 3. Детский мир.	38
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Предупреждения Автора:

1. Данная книга является плодом творческого вымысла.
2. Любые совпадения упоминаемых в книге событий, названий и имен собственных с реально существующими являются случайными.
3. Взгляды и высказывания персонажей книги могут не совпадать с точкой зрения Автора.

Глава 1. It's my life.

Прозвенел звонок, и сотни детей с воплями вывалились из дверей школы. Мы выходили медленно и солидно. Как-никак, это было наше последнее первое сентября. Начало последнего учебного года. Выпускной класс московской школы. Вообще-то, три года назад нашу школу переименовали в лицей, но мы, те, кто учился тут с первого класса, продолжали называть ее по-прежнему.

– Проводишь? – спросила Маришка.

– Провожу... – я взял ее рюкзак и закинул за спину вместе со своим собственным.

Честно говоря, на сегодняшний вечер у меня были свои планы, и Маришка в них никак не фигурировала. С Маришкой мы не виделись все лето. За это время многое изменилось. В основном – у нее. Я и не ожидал, что она предложит мне ее проводить.

Знакомый голос позади меня:

– Вот козлы, совсем детей замучили! Малыши разбегаются из школы, как тараканы.

Я обернулся. Это были Витек и Нася. Вообще-то Анастасию следовало бы называть Настей, но буква «т» из ее имени пропала где-то в третьем или четвертом классе.

– Тихо! – одернула Нася Витька. – Вдруг Гнида Павловна услышит?

– Да пошла она! – махнул рукой Витек, но на всякий случай оглянулся, проверяя, нет ли поблизости учителей.

Соболева Ида Павловна – наша классная руководительница. Она появилась в школе два года назад, и директор «подарил» ее нашему классу. Первым делом Ида Павловна заявила: «Я такая строгая и вьедливая, что ученики всегда давали мне кличку «Соболь». Уверена, что и вы меня будете так называть.» Она ошиблась. Между собой мы стали звать ее «Гнида Павловна». Это намного точнее отражало ее сущность.

– Мы с вами! – с обычной непосредственностью сказала Нася. Она жила с Маришкой в одном подъезде.

– Мы поедem на автобусе, – сказала Маришка.

– Отлично, и мы с вами.

Мы с Витьком переглянулись и обреченно вздохнули. До дома, где жили девчонки, идти минут десять. А так мы будем пятнадцать минут ждать автобус, чтобы проехать две остановки, а потом пять минут идти в обратную сторону. Но с женщинами в таких вопросах спорить бесполезно. Все равно логическими доводами их не переубедишь. Это мы поняли уже давно.

– Эй, старики, айда с нами, пивка попьем!

Это был Толян из нашего класса. Он не пошел на последний урок, но явился к школьным дверям с бутылкой пива в руке и с двумя девчонками из параллельного класса. Все трое курили и старательно демонстрировали, какие они взрослые. Толян мне никогда не нравился. Он жил с дедом и с бабкой – родителями умершей матери. Его отец был то ли милиционером, то ли бандитом, жил с новой семьей в другом конце Москвы и общался со своим сыном посредством бумажных конвертов с денежными купюрами зеленого цвета.

Дед Толяна был упертым «шестидесятником». У него на кухне постоянно собирались такие же пожилые друзья, пили дешевый алкоголь, много курили, бренчали на гитарах. От них Толян набрался многих мерзких словечек и выражений, таких, например, как «старик», «айда» или «в этом я не копенгаген». Мне «шестидесятники» казались какой-то сектой типа «хлыстов» и «трясунов». Такие же далекие от реального мира, с такими же необоснованными претензиями на знание абсолютной истины и на право поучать других людей.

К сожалению, сам Толян почему-то стремился втянуть меня в свою компанию. Может быть, потому что на уроках истории и философии я всегда выглядел умнее, чем молоденькая учительница Любочка Львовна. Прямолинейный и недалекий, как дед-«шестидесятник»,

Толян упорно не замечал моего нарочитого пренебрежения к его персоне. Один раз ему удалось затащить меня к себе в гости и познакомить с друзьями деда. Наутро я мучился от тяжелого похмелья, а от моей одежды даже после стирки пахло табаком.

Обычно я стараюсь не замечать людей, которые мне неприятны. Вот и сейчас я хотел пройти мимо, сделав вид, что не услышал приглашения Толяна. Но Маришка совершенно неожиданно для меня свернула в сторону этой троицы:

– Привет? Что курите? Угостите меня!

Вот черт! Маришка закурила! Определенно, это лето изменило ее не в лучшую сторону. Сам я в жизни не выкурил ни одной сигареты и совершенно не собирался этого делать. Выдыхание дыма так же противоестественно, как и поглощение пищи через задний проход.

Маришка знала о моих взглядах и на Толяна, и на курево. Похоже, она не зря потащила меня за собой. Она хотела мне что-то доказать. Но что? Можно подумать, она не знала, что мне известно о том, как она в июле ездила на море со студентом-второкурсником.

Толян вытащил из своего рюкзака еще одну бутылку пива, сдернул пробку при помощи пришкольного заборчика и протянул мне:

– На, старик, освежись после трудового дня.

– Спасибо, я не пью пива.

– Ты что, не мужик?

Возможно, Толян и не хотел меня оскорбить. Но рядом стояли Маришка, Витек с Насей, а также две параллельные девчонки, которые препротивнейше захихикали, давась клубами сигаретного дыма.

Но меня так просто не возьмешь. Я спокойно улыбнулся и произнес, словно обращаясь к неразумному ребенку:

– Пиво – это напиток для тупого, безмозглого быдла. Культурные и образованные люди вроде меня пиво не употребляют.

Толян удивился. Никогда до этого я не осаживал его так резко. Да еще при знакомых девчонках.

– Старик, ты не пра-а-ав! – протянул Толян.

Я решил раз и навсегда расставить все точки над «и»:

– Я, помнится, уже просил не называть меня «старик». Неужели это так трудно запомнить?

– А? – быстродействием мозга Толяна не отличались.

– Обращение «старик» используют исключительно дебилы и дегенераты.

– А? – до Толяна наконец-то дошло, что теперь он выглядит общим посмешищем. Толян разозлился. Он был на голову выше меня и в плечах пошире. Он считал, что одного этого будет достаточно, чтобы утвердить свою правоту.

Я не дал возможности Толяну устроить грубую драку по его правилам. Я быстро сунул руку в карман и выхватил свою верную «бабочку» – складной нож, две половинки рукоятки которого скрывали сложенное лезвие. Одно движение кисти, и лезвие оказалось снаружи. Я просунул его между ног Толяна и немного надавил снизу. Толяну пришлось подняться на цыпочки. Это несколько ущемило его духовное достоинство, но зато сохранило в целостности достоинство физическое.

– Если ты еще раз назовешь меня «стариком», то я отрежу тебе яйца и забью их тебе в глотку, – произнес я и улыбнулся так, что мои слова можно было воспринимать либо как угрозу, либо как дружескую шутку. Эту улыбку я специально отрепетировал перед зеркалом для подобных случаев. Теперь от Толяна зависело, какой вариант он предпочтет. Все окружающие замерли...

Толян, стоя на цыпочках, имел возможность поразмыслить над моими словами. Он несколько натянуто улыбнулся и слегка подсевшим голосом сказал:

– Да ладно, Фил, не дури...

Фил – это уже лучше. Так меня звали все друзья и знакомые. Фил – это сокращение от Философа, а не от Филиппа. На самом-то деле у меня совсем другое имя. Оно, если честно признаться, мне не слишком нравится. Поэтому я не стал настаивать, чтобы Толян его называл. Философом меня прозвали года полтора назад, когда я на целый урок развернул доклад об онтологических и методологических особенностях поликвантового типа мышления. Доклад был на девяносто девять процентов откровенным стебом, но Любочка Львовна этого не поняла и поставила мне жирную «пятерку».

Убедившись, что Толян признал свое поражение и не попытается наброситься на меня с кулаками, я взмахнул рукой, «бабочка» сложилась и исчезла у меня в кармане. Я долго тренировался, так что на приведение ножа в боевое состояние и на его складывание у меня уходило меньше секунды.

– Псих! – крикнула Маришка и быстро зашагала к автобусной остановке, даже забыв взять сигарету.

Я поспешил следом. Ведь у меня за спиной находился Маришкин рюкзак. Не бросать же его вслед этой истеричке? Витек и Нася двинулись за нами. Толян и параллельные девчонки остались у школы. Надеюсь, Толян надолго запомнит мой урок.

На половине пути к остановке Маришка обернулась и бросила мне:

– Когда же ты, наконец, повзрослеешь?!

Я пожал плечами. Конечно, до ее студента-второкурсника мне было далеко. Он ездил на собственном «Мерседесе», правда, подержанном и не слишком дорогим, но для девчонки-школьницы и это казалось верхом роскоши. Вообще, о «правильной» жизни Маришка узнавала из многочисленных «девичьих» журналов, которые безоговорочно указывали, что надо одевать, как краситься, какую музыку слушать, какие фильмы смотреть, каких парней любить, как часто и в каких положениях.

Нам повезло. Нужный автобус стоял на остановке с открытыми дверями. Увидев такой подарок судьбы, мы бросились вперед, словно сдавали «стометровку» на уроке физкультуры, и вскочили на подножку. Народу в автобусе было довольно много, поэтому протискиваться в глубь салона мы не стали и остались у дверей.

Тут у Маришки в рюкзаке зазвонил мобильник. Я повернулся боком, чтобы она смогла его достать. Краем глаза посмотрев на телефон, я отметил: «Новый, дорогой, тот самый, который особенно настойчиво рекламируют.»

– Аллэ? Да, мама. Да, я еду. Да, на автобусе. Да, помню.

Закончив говорить, Маришка сунула мобильник обратно в карман рюкзака и пояснила:

– Ко мне сегодня приходит репетитор по математике. Буду готовиться к поступлению.

– А мы с Витьком записались на курсы, – сказала Нася.

Витек кивнул головой. Последние два года они все делали вместе. Мы называли их «идеальной парой». Когда Витек принял решение поступать в Бауманку, Нася последовала за ним. Ей не пришлось отказываться от своих собственных планов. У нее их просто никогда не было. Нася была доброй, верной и надежной подружкой. Если бы в ее хорошенькой головке имелись хотя бы небольшие зачатки интеллекта, то у Витька, возможно, в моем лице появился бы опасный соперник. Но долгого общения с Насей я выдержать не мог. Мне казалось, что я начинаю тупеть примерно на пятой минуте разговора о модных тряпках и косметике.

– А ты по-прежнему метишь в МГУ? – спросил у меня Витек.

– Ага.

– На филфак?

– Или на истфак. Как получится.

– Почему не на журналистику? – спросила Нася.

– Там у тети Вики нет знакомых. Да и журналиста из меня не получится.

– Почему?

– Я не подлец и не проститутка. У меня есть такие атавистические чувства, как честь и самоуважение.

– Зато журналисты зарабатывают кучу денег! – авторитетно заявила Маришка.

– Они их не зарабатывают, они их отработывают, – поправил я.

– Ты просто завидуешь!

Я пожал плечами. Хорошо еще, что она не сказала «ревнуешь». Ее студент-второкурсник как раз и учится на журналиста. Правда, не в МГУ, а в каком-то коммерческом ВУЗе имени известной женщины. То есть там, где дипломы выдают не за знания, а за деньги родителей.

Автобус подъехал к остановке. Народ начал выходить. Мы стояли у дверей, но особенно никому не мешали. То есть, почти никому. Из самой середины салона, расталкивая всех пассажиров, к выходу поперла толстенная тетка с охапкой битком набитых сумок и пакетов.

Есть такая разновидность теток, которые совершенно не задумываются о тех неудобствах, которые они доставляют окружающим и самим себе. Если этим теткам надо проехать одну-две остановки, то при посадке в автобус они расталкивают других людей; грозно пыхтя и активно работая локтями, пробиваются в середину; шумно плюхаются на свободное место, наваливают свои сумки на колени соседней и на спинки передних сидений. И все это для того, чтобы сидя проехать три минуты. Когда автобус уже остановился на нужной им остановке, тетки вскакивают и бросаются к выходу с такой энергией, как будто боятся, что сейчас их навеки замуруют под толщей камней.

Когда такая вот тетка протискивалась мимо нас, Нася скорчила страдальческую мину – одна из сумок острым углом уперлась ей в позвоночник.

– Можно не толкаться? – вежливо поинтересовался у тетки Витек.

Та проигнорировала его вопрос. Наглые толстые тетки с необъятными сумками всегда уверены, что толкают ИХ.

Пришлось вмешаться мне:

– Гражданка не толкается. Просто она испытывает удовольствие, притираясь к мужикам в общественном транспорте.

В автобусе кто-то хихикнул. Тетка вспыхнула, на носу и на лбу у нее выступили крупные капли пота.

– Как вам не стыдно! – вмешалась стоявшая рядом женщина бедно-интеллигентного вида. – Она же вам в матери годится!

– Она нам в матери не годится! – ответил я. – Она годится в матери наркоманам или алкоголикам.

Толстая тетка вывалилась из автобуса и, вжав голову в плечи, посеменила прочь. Должно быть, я оказался недалек от истины. Двери закрылись, автобус тронулся.

– Какая жестокая молодежь! – воскликнула бедно-интеллигентная женщина. – Откуда вы только беретесь, такие бездушные?!

Наверное, она рассчитывала на поддержку других пассажиров. Но все отвели глаза в стороны и сделали вид, что заняты своими делами.

– Вы же нас такими и сделали, – сказал я. – Что посеяли, то и пожинайте!

– Неправда! Мы всю жизнь работали, чтобы вы выросли добрыми и честными.

– Что-то плохо вы работали, и поэтому мало заработали! – усмехнулся я. – У меня одни кроссовки стоят дороже, чем все, что на вас одето, вместе взятое.

Бедная интеллигентка – судя по бледному внешнему виду, учительница в школе или преподавательница в институте – закрыла лицо ладонями. Ее плечи затряслись.

– Да что же это вы делаете?! – вскричал какой-то мужик, окатив нас волной застарелого перегара и несвежей чесночной колбасы. – Сейчас я вас!...

– Что ты нас? – с ледяной улыбкой (той самой, многократно отрепетированной) поинтересовался я. – Мы – школьники, несовершеннолетние. Тронешь хоть пальцем – сядешь на шесть лет. Понял? Или, может быть, ты педофил? Маришка, не этот ли козел приставал к тебе вчера вечером?

Маришка не пожелала мне подыграть, но этого и не требовалось. Мужик покраснел, его глаза забегали. Он и сам уже был не рад, что привлек к себе общее внимание. Ему повезло, автобус остановился на следующей остановке. Мужик выскочил из открывшихся дверей и рванул за угол.

Мы тоже вышли. До подъезда Маришки и Наси оставалось всего тридцать шагов.

– Все, я пошла! – объявила Маришка и сняла с моего плеча свой рюкзак, словно я был вешалкой, а не живым человеком. – Меня дома ждут.

– Пока, – сказал я.

– Лечи нервы! – на прощание посоветовала мне Маришка и зашагала к дому.

– Ну, мы пошли? – вопросительно посмотрел на меня Витек.

– Пока, – мы пожали друг другу руки.

Витек с Насей также меня покинули. Я остался один, повернулся на каблуках и пошел домой.

Вначале я прошел мимо большой песочницы, возле которой на скамейках сидели молодые (и не очень молодые) мамы, обсуждали просмотренные сериалы и рецепты из журналов. Их маленькие дети, предоставленные сами себе, тем временем копошились в песочнице.

По утрам и вечерам в этой песочнице собачники выгуливали своих питомцев. Точно так же, как сейчас родительницы, они чинно сидели на скамейках, в то время как собаки справляли нужду в песок. По ночам вокруг песочницы собирались алкоголики со всего двора. Пьяные вопли и звон разбитой посуды слышались почти до самого утра, пока их не сменял залиvistый собачий лай...

Но сейчас был погожий солнечный день, и песочница безраздельно принадлежала детям. Они играли в песочнице среди собачьих испражнений, пьяной блевотины и разбитых бутылок, а их счастливые мамы весело щебетали на скамейках.

Дальнейший мой путь лежал вдоль высокого решетчатого забора детского сада.

Малыши под руководством воспитательницы играли в «заложников и террористов». Команда «заложников» сидела на корточках, сбившись в тесную кучку и положив руки на затылки. «Террористы» стояли вокруг и бросали в «заложников» надувной мяч. Если мяч попадал в «заложника», отскакивал, и «террористы» успевали его поймать, то «заложник» считался «убитым», покидал круг и отходил вправо. Если же «заложнику» удавалось перехватить мяч, то он считался «освобожденным» и отходил влево. Когда все «заложники» выбывали из круга, воспитатели считали «убитых» и «освобожденных». Затем команды менялись местами. Побеждала та команда, в которой было меньше «убитых».

Пока я шел вдоль забора, игра продолжалась.

Воспитательница азартно кричала:

– Васечка, ты убит!

– Леночка, ты освобождена!

– Маратик, убей Ирочку!

Несколько раз я ловил себя на мысли, что знаю, кто в кого бросит мяч. Вот сейчас девочка в желтой курточке «убьет» мальчика в клетчатой кепке. А мальчик в длинном голубом шарфе мяч поймает и будет «освобожден». Мои прогнозы оказывались верными почти всегда. Это меня не удивляло. Я уже давно замечал, что могу предсказывать некоторые события. Например, я почти всегда чувствовал, когда начнется дождь. Или когда меня вызовут к доске. Я пользовался этим, но ни с кем не делился своей тайной. Мне казалось, что если я кому-нибудь расскажу о своем необычном таланте, то он исчезнет. А я очень не хотел с ним расставаться.

Я был уверен, что отличаюсь от своих сверстников. Мне казалось, что я шире мыслю, дальше вижу и глубже размышляю. Я задумывался о таких вещах, которые просто не приходили в голову моим ровесникам. Я без труда находил общий язык с одноклассниками, но более уютно чувствовал себя в обществе взрослых людей. И в то же время я совершал поступки, которые могли считаться «детскими». Точнее, «детскими» они являлись с точки зрения тех, кто сам неоправданно тщился выглядеть «взрослым». Например, Маришка еще весной намекнула, что мне пора, как она выражалась, «заняться делом». Что она подразумевала под словом «дело», кажется, не понимала и она сама. Она считала, что тот, кто «занимается делом», имеет возможность ходить в ночные клубы и на дискотеки, ездить на машине, курить, выпивать и со знанием дела рассуждать о том, какую последнюю коллекцию представил в Париже на Неделе высокой моды известный кутюрье Жан-Поль Шмотье.

Такая «взрослая» жизнь меня не привлекала. Мне, вообще, не нравилось расписанное и предписанное будущее, которое уготовило нам современное общество. В детстве мы должны были смотреть дебильные мультфильмы про покемонов и трансформеров, читать идиотские книжки о Гарри Поттере, пить тошнотворную Кока-Колу и жевать омерзительные шоколадные батончики. В юности нам полагалось смотреть так называемые «молодежные комедии» и боевики, рассчитанные на безмозглых дегенератов, читать тупые «молодежные журналы», пить кисло-вонючее пиво и давиться пересушенными чипсами. В зрелом возрасте предписывалось восхищаться бессмысленными фильмами Феллини и Тарковского (не досмотрев до конца ни одного их «шедевра»), с умным видам признаваться в любви к творчеству Достоевского (не прочитав больше трех страниц из его книг), опять-таки заливать в потолстевшее пузо пиво и заедать его то таблетками от запора, то порошками от диареи. Неужели только выполнив все эти условия, я могу считаться нормальным человеком?...

Пока моя голова была занята привычно-мрачными размышлениями, ноги сами довели меня до родного подъезда. Я пешком поднялся на третий этаж и ключом отпер замок.

– Это ты? – тетя Вика выглянула из кухни. Насколько я знаю, ей уже за сорок, но выглядит она гораздо моложе своих лет. Наверное, это благодаря спортивной фигуре и прекрасной коже лица, которая остается гладкой и свежей без всяких масок, кремов и косметики.

– Я.

– Обед будет готов через пятнадцать минут.

– Хорошо.

Я живу вместе с тетей Викторией уже десять лет. Она – сестра моей мамы. Мои родители, как мне объяснили, погибли где-то в Сибири, во время экспедиции. Их я совсем не помню. У нас дома нет ни одной их фотографии. Тетя Вика говорит, что гибель родителей вызвала у меня глубокий психоэмоциональный шок, поэтому я забыл все, что происходило со мной до шестилетнего возраста. Врачи настоятельно не рекомендовали ей держать в доме какие-либо предметы, которые могли бы напоминать мне о потере и этим усугублять психическую травму.

Я забросил рюкзак в свою комнату и отправился на кухню. Тетя Вика резала салат. Она никогда не пользовалась кухонными комбайнами. Нож в ее руках мелькал так быстро, что, казалось, легко обогнал бы любой электроприбор. Тетя Вика работала в какой-то юридической компании. По крайней мере, так она говорила. На работу она ездила не очень часто, но платили ей неплохо. Если бы она хотела, то давно ездила бы на солидной иномарке. Если бы хотел я, то такая же машина была бы у меня. Но от тети я заразился нелюбовью ко всякой технике. Вот ножи – совсем другое дело. Они для нас были не просто инструментами, а продолжениями рук.

– Как прошел первый день в школе? – спросила тетя Вика.

– Как обычно. Первый урок – ложь и лицемерие.

– То есть?

– Ну, Гнида Павловна рассказывала нам, в какой замечательной стране мы живем, как повезло нам с правительством и особенно с президентом.

– И что?

– Да, ничего. Просто на переменах мы слышим, как учителя чуть ли не нецензурными словами кроют и эту страну, и это правительство, и этого президента за нищенскую зарплату и за постоянно растущие цены.

– Надеюсь, в школе ты свои взгляды не высказываешь?

– Я что, идиот? Я расту таким же лживым и лицемерным, как все нормальные люди.

Тетя Вика сменила тему:

– Как дела у Маргариты?

– Нормально. У нее всегда все нормально.

Маргарита – это Маришка. Просто Маришка не любит, когда ее называют полным именем. Также не нравится ей «Марго», она говорит, что это имя отдает средневековьем. А обращение «Рита» ее просто бесит, она кричит: «Я не дочь пиротехника!» Бедняжку совсем задразнили в детстве.

– Много уроков задали?

– Так, ерунда. Надо написать сочинение о том, что хорошего мы видим в возрождении православия в России.

– Могу себе представить, что ты напишешь, – улыбнулась тетя.

– Пока что я придумал только название: «Россию хотят поставить на колени перед иконами».

– Тогда дальше ты можешь ничего не писать. Название полностью раскрывает твоё видение темы. Не боишься получить «двойку»?

– Нет. Меня же тянут на медаль. Поставят «три» за содержание и «пять» за грамотность. В среднем «четыре»-«четыре». До конца четверти я получу столько «пятерок», что в итоге мне все равно поставят «пять».

– Не будь слишком самоуверенным.

– Я реалист, – сказал я.

– Ну-ну, тебе виднее.

На всякий случай я решил уточнить:

– А если я даже получу «три» в четверти, меня что, не примут в МГУ?

– Примут.

– Тогда в чем проблема?

– Ты должен научиться не только всем и всегда навязывать свое мнение, но и изредка говорить то, что от тебя хотят услышать другие люди.

– Я и так делаю это слишком часто.

В этот момент раздался звонок в дверь.

– Я открою, – сказал я и направился в коридор.

– Сначала спроси: «Кто там?» Открывай только знакомым! – крикнула мне вслед тетя Вика.

Безопасность – один из «пунктиков» моей тети. С самого раннего детства она требует, чтобы я периодически оглядывался на улице и проверял, не следует ли за мной кто-нибудь подозрительный.

Я посмотрел в дверной глазок и увидел соседку по этажу тетю Дарью. Она была одета в домашний халат и в тапочки. Должно быть, забежала попросить у тети Вики пачку соли или пару яиц.

Я открыл дверь:

– Здравствуйте, тетя Дарья. Заходите!

Я повернулся к соседке спиной и пошел на кухню, вполне логично предполагая, что она последует за мной.

Тетя Вика выглянула из двери:

– Кто там?

В руке она продолжала сжимать большой кухонный нож.

– Это к тебе тетя Дарья, – ответил я.

И тут я увидел, как глаза тети Вики округляются от ужаса. Она вскинула руку, и мимо меня со свистом пролетел ее нож. Нож не упал на пол. С чавкающим звуком он вонзился во что-то мягкое. Я понял, во что, или, вернее, в кого попал нож – в тетю Дарью!

Тетя Вика пробежала мимо меня к входной двери, захлопнула ее и прильнула к дверному глазку.

– Как ты мог пригласить в дом оборотня?! – вскричала она. – Оборотень не может проникнуть в дом, пока ему не разрешат войти.

Пребывая в легком шоковом состоянии, я посмотрел на пол. Тетя Дарья уже не была тетей Дарьей! На ее месте лежало белесое существо, лишь очертаниями имевшее сходство с человеком. Вместо лица – как будто спущенный воздушный шарик, с темными провалами вместо глаз и рта. Из лба торчала рукоятка кухонного ножа. Под головой расплывалась лужа жидкости. Она была красной по краям и голубоватой в центре. То есть вначале из головы существа вытекала человеческая кровь, а потом, после превращения, ее сменила голубоватая полупрозрачная жидкость.

И еще: в руке лежавшего на полу существа был зажат длинный серебристый клинок с волнистым лезвием, покрытым тонким едва различимым узором. Должно быть, пребывая в облике тети Дарьи, существо прятало его под халатом, а потом достало, когда я повернулся к нему спиной. В таком случае мне становились понятными и испуг тети Вики, и смертоносный бросок ножа. Непонятным было только все остальное.

Тетя Вика, наконец, оторвалась от дверного глазка и повернулась ко мне:

– Странно, оборотни обычно никогда не охотятся в одиночку...

Она посмотрела на мое лицо и только теперь заметила, в каком состоянии я находился:

– Ты себя хорошо чувствуешь?

– А как ты сама думаешь? – сказал я.

– Нам надо поговорить. Пошли в мою комнату. Я буду собирать вещи и рассказывать. Только очень коротко. Надо собираться. Раз нас нашли, то следующего удара долго ждать не придется.

Я нагнулся и протянул руку к серебристому волнистому клинку. Я хотел получше рассмотреть письмена на его лезвии. Они казались мне странно знакомыми...

– Не трогай! – резко прикрикнула тетя Вика.

Она сняла с вешалки свой плащ, накинула на клинок, завернула его и унесла на кухню. Потом вернулась и потянула меня за руку в комнату:

– Пошли!

Я позволил усадить себя в кресло под торшером. У меня кружилась голова, а руки и ноги плохо слушались. Тетя Вика распахнула дверцы всех шкафов, вывалила на пол их содержимое, достала большую сумку и начала забрасывать в нее выбранные вещи. При этом она рассказывала мне:

– Пришла пора сказать тебе всю правду. Начну с главного. Ты не мой племянник. Я была телохранительницей твоей матери. Она доверила мне твою жизнь, когда на нее и на твоего отца напали боблины...

– Гоблины? – машинально переспросил я, вспомнив прочитанные книги в жанре фэнтези.

– Нет, не гоблины, а боблины.

– Типа того, что лежит в коридоре?

– Нет. Это оборотень. А боблины все время выглядят почти как люди. Они решили захватить Колоссию.

– Колоссию?

– Не перебивай! Дай мне рассказать! Колоссия – это одна из стран Изначального мира. Твоя Родина и Родина твоих родителей. Боблины хотели захватить Колоссию уже давно. Сотни лет длилось противостояние людей и боблинов. Но в честных войнах люди всегда одерживали верх. Тогда боблины решили пойти другим путем. Путем обмана и подлости. Они разработали долгосрочный план. И уничтожение магов Колоссии стало одним из первых пунктов этого плана...

– Магов? – я решился задать вопрос, так как рассказ тети Вики (которая, как выяснилось, вовсе не была моей тетей), казался мне слишком поверхностным и непонятным.

– Твои родители были потомственными магами, – тетя Вика прервала свои сборы и посмотрела на меня в упор: – Ты – маг по крови. Родители звали тебя Калки.

– Калки? – это имя заключало в себе гораздо больше, чем просто набор звуков.

Любой, кто разбирался в индуистской мифологии (а я в большей или меньшей степени был знаком со всеми основными религиями Земли), знал, что именем Калки звался десятый аватар бога Вишну. Десятый аватар, или земное воплощение божества, должен был появиться в конце железного века – Кали-юги – когда преступления смертных существ поколебали бы основы мироздания. Калки должен был стать судьей и палачом, разрушителем старого мира и создателем нового, более чистого и совершенного.

Правда, индуистские мифы не упоминали о боблинах и об Изначальном мире. Но, прочитав немало фантастических и фэнтезийных книг, я довольно хорошо мог себе представить множество параллельных миров, отражений некоего истинного мира. Конечно, мое настоящее имя могло совершенно случайно совпадать с именем десятого аватара Вишну. Но, в любом случае, оно нравилось мне намного больше, чем то, под которым я жил последние десять лет.

– Калки – это не просто имя, – сказала тетя Вика, продолжив собирать вещи. – Ты наследник многих поколений магов. Боблины, конечно, знали о том, что тебе удалось спастись из родительского дома. Поэтому-то они продолжали искать тебя все эти годы. По приказу твоей матери, я спрятала тебя тут, на Земле, в одном из отраженных миров. И вот через десять лет, тебя нашли оборотни – союзники боблинов.

– А мои родители?

– О них я ничего не знаю. На наш дом напали полчища боблинов. Твои родители и их воины вступили в битву. Твоя мать сунула тебя мне в руки и вытолкала за дверь. «За дверь» – на языке магов означает – в другой мир. На разных Отражениях у нее были заготовлены и запасные дома, и местные документы, и дружественные связи. Так мы с тобой стали жить здесь. А о том, чем закончилась битва, я не знаю. Но, судя по тому, что родители за тобой не пришли, я думаю, что не обманывала тебя, говоря, что они погибли.

– А ты сама не пыталась их отыскать?

– Как?! – горько воскликнула тетя Вика. – Ведь я не маг, а всего лишь воительница. Я не могу открывать двери и преодолевать границы между мирами.

– А я?

– Ты – можешь! Но ты пока этого не умеешь.

Тетя Вика закончила складывать свои вещи и направилась в мою комнату:

– Возьмем только самое необходимое. Попробуем добраться до Зайкина.

– До кого?

– Василий Макарович Зайкин – один из наших друзей. Он живет в деревне под Москвой. Если мы его застанем дома, то он поможет нам скрыться.

– Может быть, мы ему позвоним?

– Он не пользуется мобильным телефоном.

– А если послать сову?

Тетя Вика покачала головой:

– Это не дурацкая сказка о Гарном Потнере или как его там. Это реальная жизнь, причем жизнь жестокая. Кстати, посмотри в окно. Нет ли там чего подозрительного?

Окна нашей квартиры выходили во двор. Я осторожно отогнул занавеску и выглянул наружу. Вроде, все как обычно. Хотя... Мое внимание привлек большой черный джип с глухо затемненными стеклами. Я присмотрелся... и с криком отпрянул от окна.

– Что там?! – с тревогой спросила тетя Вика.

– Джип. Черный. Мне показалось, что внутри...

Тетя посмотрела в окно:

– Ну?

– Внутри такие же оборотни, как и тетя Дарья.

– Тетя Дарья – не оборотень, – поправила меня тетя Вика. – Оборотень только принял ее облик. Сколько оборотней в машине?

– Четверо. И у них такие же волнистые клинки.

– Плохо дело. Клинки волшебные. Они предназначены для уничтожения магов. Твоя кровь тебя не спасет.

– Моя кровь?

– Вспомни, много ли травм ты получал в детстве?

Я припомнил все шишки, ссадины и синяки, которые получал во время детских игр. Их было немало, но они всегда быстро проходили и не причиняли мне особых неудобств. А более серьезных травм я никогда не получал. Даже зубы у меня никогда не болели.

Тетя Вика внушительно сказала мне:

– Помни – ты не обычный человек. В чем-то ты гораздо сильнее, но в чем-то более уязвим. Я не слишком-то разбираюсь в магических искусствах, Зайкин объяснил бы тебе это гораздо лучше... Проклятье, джип с оборотнями – это очень большая проблема! Как же мы выберемся из дома?

– Может быть, через чердак? – предложил я.

– Мысль интересная, но не оригинальная. Могу поспорить, что оборотни устроили засаду и наверху. Они окружили нас и хотят взять измором.

– Может быть, вызовем милицию? – спросил я и тут же сам понял, насколько глупо прозвучали мои слова.

Ни один человек в здравом уме не будет искать у милиции защиты от преступников. Это себе же обойдется гораздо дороже.

– Тетя Вика, а кроме Зайкина других друзей у нас тут нет?

– Таких, которые справятся с командой оборотней – нет! Нам бы только выбраться из дома... Если начнем пробиваться с боем, то, боюсь, я не смогу тебя защитить от такого большого отряда... Слушай, а как ты узнал, что в джипе находятся четверо оборотней с клинками? Я ничего не разглядела через черные стекла.

– Я просто присмотрелся... и увидел, – я и сам не смог бы объяснить, как сумел заглянуть внутрь автомобиля.

Тетя Вика подошла ко мне, положила руки на плечи и заглянула в глаза:

– Скажи честно, тебе раньше случалось видеть то, что не видели другие люди?

– Видеть – нет. Но иногда я мог предчувствовать, что произойдет.

Тетя Вика быстро прижала меня к груди и так же быстро отстранила:

– Ты становишься настоящим магом!

– Как это?

– Ну... – тетя немного смутилась, – магический талант зависит от возраста. Он формируется во время... ну, этого...

– Полового созревания? – помог я.

– Точно!

– И когда он проявится в полную силу?

– Думаю, не раньше двадцати-двадцати одного года, хотя... – тетя Вика бросилась к книжному шкафу и с верхней полки сняла большой альбом. – Как же я забыла о магических ключах?

– О чем, о чем?

Альбом был мне хорошо знаком. Я не раз листал его в детстве и рассматривал картинки на каждой странице. Все они изображали примерно одно: открытые двери, за которыми виднелись различные пейзажи. За одной дверью – покосившаяся деревенская избушка. За другой – опушка леса. За третьей – каминный зал какого-то рыцарского замка. Имелись и такие картинки, на которых были изображены совершенно нереальные местности, порожденные изощренным и, казалось, не совсем нормальным разумом. Все детали картин, и реальных, и нереальных, были проработаны с необыкновенной тщательностью.

Тетя Вика быстро пролистала альбом, пока не нашла нужную страницу.

– Вот! – сунула она мне в руки тяжелую книгу. – Это то, что нам нужно.

На открытой странице было изображено что-то вроде сада камней: несколько десятков валунов разной формы и разных размеров в продуманно-хаотическом порядке были разложены на низком округлом холме. Разумеется, сад камней находился за прямоугольным дверным проемом, так что невозможно было разглядеть то, что располагалось справа и слева от холма.

– Что это? – спросил я.

– Это ключ. Его используют начинающие маги, когда учатся открывать двери.

– Я не понимаю...

– Ты – маг по крови. Если ты обладаешь талантом, то сможешь открыть дверь в другой мир. Тебе надо посмотреть на любую дверь и представить, что за ней находится то, что ты видишь на этом рисунке. Этот альбом дала мне твоя мама.

– Все рисунки – это двери в другие миры? – спросил я. В альбоме было страниц сто, не меньше.

– Не в другие миры, а в другие МЕСТА, – поправила меня тетя Вика. – Несколько МЕСТ могут находиться в одном и том же мире.

– Теперь понял.

– Раз понял, то попробуй открыть дверь.

– Какую?

– Да хотя бы вот эту, – тетя Вика указала на дверь между моей комнатой и коридором. – Попытайся! Ведь ты же Калки, маг по крови. А я пока соберу продукты.

Она быстро вышла из комнаты. В коридоре, а потом и на кухне послышался шум и грохот. Должно быть, тетя Вика, как и ранее, вываливала все содержимое шкафов и холодильника на пол. Она действовала быстро и решительно. В отличие от меня. Я просто стоял и смотрел то на картинку в альбоме, то на дверь. Я понятия не имел, что должен сделать для того, чтобы открыть эту чертову дверь в другое место.

Вначале я попытался представить себе сад камней, который находился бы в коридоре. Но тут я вспомнил, что в коридоре лежит тело оборотня, и едва не выронил альбом. Тогда я закрыл глаза, и в своем воображении нарисовал холм с камнями, стараясь как можно точнее воспроизвести рисунок. Я открыл глаза и убедился, что через дверной проем по-прежнему видна лишь прихожая.

Может быть, мне еще рано заниматься магией? Да и тетя Вика, когда предлагала мне открыть дверь, не слишком-то надеялась на успех. Что она там говорила про возраст и про половое созревание? Если бы она знала, что мы с Маришкой еще год назад...

В дверном проеме я увидел холм и камни. Как на картинке. Я остолбенел и даже не смог позвать тетю Вику. Но тут появилась и она сама, уже одетая по-спортивному: в кроссовки,

джинсы и легкую куртку. В руках она держала пакет с продуктами и все свои кухонные ножи. Некоторые экземпляры достигали длины локтя. Только теперь я понял, почему тетя Вика всегда так ловко и быстро резала салаты.

– Что ты так на меня смотришь? – удивилась тетя Вика и обернулась.

На некоторое время она, как и я, утратила способность говорить. Значит, пейзаж с камнями не был плодом моего воображения. Входя снаружи в комнату, тетя Вика его не видела. Но с этой стороны обратной дороги в коридор не было. Был только сад камней.

– У тебя получилось! – воскликнула тетя Вика. – Честно говоря, я не верила, что у тебя получится. Ты молодец, Калки!

Тетя Вика начала выкидывать за дверь сумки и некоторые вещи, которые лежали на полу. Они падали на землю и на короткую, словно подстриженную, траву. Похоже, тетя Вика не столько удивилась моим способностям, сколько обрадовалась. Для нее переход между мирами был делом обыденным. А я просто стоял и смотрел на камни. Мой привычный мир был разрушен до основания. Впрочем, был ли этот мир МОИМ миром? Не потому ли я довольно легко воспринял рассказ тети Вики, что всегда подсознательно считал себя чужим на Земле или, по крайней мере, родившимся не в свое время?

– Пошли! – взяла меня за локоть тетя Вика.

Я сделал три шага вперед и ступил на землю. Огляделся. Обернулся. Вокруг нас расстилась бескрайняя горная страна: утесы и ущелья, пики и пропасти, горы и долины. Мы стояли на небольшой плоской площадке. Перед нами находился сад камней. Слева – скала. Справа – убегающая вниз узкая тропинка. Позади – пропасть. И никакого намека на возможность вернуться в родную московскую квартиру.

– А где?... – я помахал рукой в воздухе, пытаюсь изобразить дверной проем.

Тетя Вика меня поняла:

– Дверь закрылась, когда ты прошел через нее. Насколько я знаю, таково свойство магии. Ты создал проход, а за тобой он закрылся сам собой. Обратни никогда не поймут, куда мы исчезли... Подожди-ка... Если обратни нашли нас на Земле, то им, наверняка, помогает какой-нибудь маг. А маг может узнать, куда открывалась дверь. Так что собирай вещи, и поспешим отсюда!

Мы собрали разбросанные вещи и запихнули их в сумки. Свои ножи тетя Вика положила сверху, так что могла выхватить их в одно мгновение.

– Куда мы идем? – спросил я.

– К одному другу твоих родителей. Его зовут Отшельник. Он нам обязательно поможет. Я еще раз осмотрелся и решил на главный вопрос:

– Мы все еще на Земле?

Тетя Вика отрицательно покачала головой:

– Нет. Это Изначальный мир. Но не Колоссия. Там нам появляться опасно, а у Отшельника мы узнаем все последние новости.

– И про моих родителей?

Тетя Вика опустила голову:

– Боюсь, что и про них...

Мы подняли сумки и зашагали вниз по тропинке.

Глава 2. Дом Отшельника.

– Тетя Вика, как тебя зовут на самом деле?
– Виктрикс Валерия.
– Похоже на латынь.
– Это и есть латынь. Скоро ты сам увидишь, как много общего между Изначальным миром и Землей.

– А можно я буду по-прежнему звать тебя тетей Викой?
– Конечно, можно. А я теперь буду называть тебя Калки. Тебе надо привыкать к настоящему имени.

– Хорошо.

Мы начали преодолевать довольно крутой и опасный спуск, поэтому разговоры на некоторое время прекратились. Мелкие камни осыпались под нашим весом, что на узкой тропинке, извивавшейся по крутому склону, было довольно опасно. Правда, горный склон был сплошь покрыт ползучими ветвистыми кустами, так что при падении за них было легко ухватиться. Но все равно срываться вниз никому не хотелось.

Потом тропинка опять стала немного шире и положе. Я спросил:

– Тетя Вика, меня и правда приняли бы в Университет?

– Правда.

– А дальше?

– Что дальше?

– Ну, после окончания Университета. Что бы я делал дальше?

– В Университете ты получил бы знания по истории, философии, логике. Они помогли бы тебе стать хорошим магом.

Я фыркнул:

– Что-то я раньше не слышал, чтобы в МГУ учили волшебству!

– Там этому и не учат. Ты бы развивался интеллектуально и духовно. Тренировал мозги, короче говоря.

– А, понятно.

– После окончания Университета я познакомила бы тебя с Зайкиным. Или даже еще во время обучения.

– Зайкин – это тот, кто знает о нас правду?

– Да. У него тоже есть магический талант. Правда, небольшой. Но для жителя Земли вполне приличный.

– Он что, экстрасенс?

– Нет, нет! – тетя Вика рассмеялась. – Если ты имеешь в виду, что он дает объявления в газеты: «Сниму порчу, приворожу, помогу в бизнесе», то это все не про него. Он настоящий маг, а не шарлатан, собирающий деньги с легковверных простаков. Его клиенты – люди здравомыслящие. Они могут отличить настоящую магию от дешевых подделок. Кстати, один из клиентов Зайкина – декан МГУ.

– Понял. У вас целая подпольная организация. И каждый подпольщик по мере своих сил и возможностей помогает другим.

– Ты почти прав. Но мы не подпольщики, а группа единомышленников. Мы стараемся противодействовать злу.

– Что-то не очень хорошо у вас это получается.

– Увы! Что толку исправлять Отражение под названием Земля, если в Изначальном мире торжествует несправедливость?

– А она тут точно торжествует? Мне кажется, что тут очень красиво!

– Это потому, что в Изначальном мире краски ярче, звуки отчетливее, а запахи острее. Тетя Вика была права. Вначале я не обратил внимания на то, что мир вокруг меня немного отличается от Земли. Он был больше похож на яркую открытку или картинку в журнале.

Но на всякий случай я решил уточнить:

– Я думал, что тут так красиво из-за того, что после московского смога и пыли мы оказались в местности с чистым горным воздухом.

– Изначальный мир везде одинаков. Ты скоро привыкнешь к нему, и другие Отражения будут казаться тебе серыми и тусклыми.

Чем ниже мы спускались в долину, тем шире и удобнее становилась тропа. Вскоре мы уже могли идти рядом, и нам не мешали даже объемистые дорожные сумки. К этому времени мой желудок начал напоминать, что после школы я так и не успел пообедать. Тетя Вика тоже услышала эти сигналы.

– Подожди немного, – сказала она. – Вскоре мы дойдем до ручья. Там и передохнем.

– Ты уже бывала здесь раньше?

– Три раза. Вместе с твоей матерью. Твои родители знали, что скоро придут тяжелые времена, и заранее готовили безопасные базы.

– Что же они сами не сумели спастись?

– Вот об этом мы и спросим у Отшельника. Об этом, и о многом другом...

– А какими были мои родители? – спросил я. Никогда раньше я не задавал тете Вике такого вопроса.

Она мягко ответила:

– Не торопись, Калки. Это очень долгий и серьезный разговор. Мы продолжим его в доме Отшельника.

Некоторое время мы шли молча. Но у меня накопилось столько вопросов, что я не мог держать язык за зубами:

– Тетя Вика, как ты думаешь, что случилось с тетей Дарьей?

– Ты хочешь знать, не убили ли ее оборотни? Не знаю. Оборотни совершенно равнодушны к чужой жизни. Могли и убить. Копия Дарьи была очень хорошей. Несомненно, они рассмотрели ее вблизи.

– Как ты узнала, что это был оборотень?

– Опыт. Я не раз встречалась с ними ранее. Есть несколько способов узнать, что перед тобой оборотень, принявший чужой облик. Во-первых, глаза. Они неподвижны, как у слепого. Во-вторых, губы. Обычно при разговоре артикуляция не совпадает с произносимыми звуками. И, в-третьих, движения. Они плавные и замедленные. Оборотни боятся резкими движениями разрушить свой облик. Но зато когда они подбираются к тебе на расстояние удара...

У меня по спине пробежали мурашки. Я вспомнил волнистый клинок, покрытый псыменами. Клинок, изготовленный специально для того, чтобы вонзиться в мое тело...

– Тетя Вика, а почему оборотень не воспользовался пистолетом? Почему, в конце концов, нас не «заказали» местным бандитам?

– Понятия не имею. Мысли оборотней непостижимы для людей и даже для боблинов. Так, например, они никогда не войдут в дом, если им не разрешат. С человеческой точки зрения это нонсенс, ведь физически оборотни не встречают никакого сопротивления.

– А если бы я не пригласил оборотня в дом?

– Думаю, оборотни попытались бы подобраться к тебе на улице или в школе. Они могли принять облики твоих друзей, Маргариты. Учителей, в конце концов.

Количество мурашек у меня на спине увеличилось. Я представил, как во время урока меня медленно окружают Гнида Павловна, Любочка Львовна, Маришка, Витек, Нася, Толян – у всех неподвижные глаза и блестящие клинки в руках... Бр-р-р!

– А вот и ручей! – веселый голос тети Вики рассеял наваждение.

Мы спустились в долину и оказались на берегу неширокого горного ручья, который весело журчал между камнями. Через ручей был перекинут высокий горбатый мостик, а рядом с тропинкой находилась небольшая полянка, явно специально устроенная для того, чтобы усталый путник мог сделать привал. Мы сели на большие камни и перекусили бутербродами с сыром и колбасой, помидорами и огурцами. Запили водой из ручья. Потом пошли дальше – через мост.

Тропинка петляла по дну узкой долины. По обеим сторонам ручья росли раскидистые деревья, похожие на земные ивы. Я молчал и переваривал обед. Пешая прогулка и чистейший воздух способствовали хорошему усвоению пищи.

Перед очередным поворотом тропинки тетя Вика поставила свою сумку на землю и командовала:

– Стой, Калки! Я пойду вперед, посмотрю, нет ли в доме Отшельника кого-нибудь постороннего.

– То есть, оборотни могут поджидать нас и здесь?

Тетя Вика не ответила. Она вытащила из сумки два ножа: большой для правой руки и маленький – для левой.

– Тетя Вика, что мне делать, если ты не вернешься?

– Типун тебе на язык! Все будет хорошо. – Тетя Вика быстро и совершенно бесшумно заскользила вперед, держась в тени деревьев.

Я на всякий случай оттащил сумки с тропинки за ближайшее толстое дерево, сел на округлый валун и стал ждать. Лучи солнца просвечивали сквозь листву и казались золотым дождем. Я слышал птичье пение и видел больших бабочек и стрекоз, которые летали между деревьями. Может быть, это не Изначальный мир, а Кавказ или Средиземноморье? Может, я стал жертвой какого-то глупого розыгрыша?... Ага, напомнил я сам себе, и дверь, которую я открыл – тоже розыгрыш!

Прошло всего несколько часов с того момента, как я вышел из школы. Сегодня вечером я собирался посидеть за компьютером и пройти два-три уровня в довольно сложной «стрелялке». Теперь и школа, и компьютер, и даже мой рюкзак с учебниками и мобильником оказались невообразимо далеко... Хотя... Ведь мне стоило только представить себе свою квартиру и войти в дверь... Я вздрогнул. Пока в коридоре лежит тело оборотня, а во дворе дежурят еще несколько его товарищей, домой я возвращаться не буду.

Я встал с камня, выхватил из кармана «бабочку», развернул ее и воткнул в ствол дерева. Потом сложил, убрал в карман и вновь выхватил. Я повторил это упражнение раз сорок, прежде чем услышал голос тети Вики:

– Эй, Калки! Ты где?

– Здесь! – я спрятал «бабочку» и вышел из-за дерева.

Тетя Вика была не одна. Ее сопровождал невысокий плотный седовласый старик в сандалиях на босу ногу, джинсах и яркой рубашке навывпуск. Когда они подошли поближе, я понял, что старик на самом деле не человек. Или не совсем человек. Отличия были едва уловимы: уши необычной формы, странный разрез глаз, слишком крупные челюсти. Конечно, он мог казаться человеком, но я почему-то ЗНАЛ, что он не человек.

– Калки, это Отшельник! – представила мне старика тетя Вика.

– Ты абсолютно уверена, что это не оборотень? – поинтересовался я, на всякий случай делая шаг назад и засовывая руку в карман, где лежала «бабочка».

– Абсолютно! Он боблин.

– Боблин? – я отступил еще дальше. – Но ведь ты же говорила...

– Мой рассказ был коротким и, возможно, не совсем полным. Боблины такие же разные, как и люди. Одни готовы защитить тебя ценой своей жизни, другие норовят воткнуть нож в спину. Отшельник был самым верным другом твоих родителей.

– А-а-а, – я остановился.

– Да, я боблин, – сказал Отшельник и широко улыбнулся. – Я рад видеть тебя, Калки. Я помню тебя еще вот таким.

Отшельник развел руки в стороны, словно рыбак, показывающий своему товарищу, какого карася он поймал в прошлом году. Улыбка у старого боблина была широкой и доброй. Я отметил, что его резцы и клыки значительно крупнее, чем у обычного человека.

– Привет, – мрачно сказал я.

– Калки немного растерян, – извинилась тетя Вика за мою невежливость. – Знание пришло к нему слишком рано.

– Это не помешало ему открыть дверь, – внимательные глаза Отшельника быстро обещали меня. – Он гораздо сильнее, чем его родители в его возрасте. Калки станет величайшим магом.

Я хмыкнул. Compliment, произнесенный боблином, ничуть не растопил моего недоверия. Отшельник, похоже, понял это, коротко вздохнул, подхватил наши сумки и зашагал по тропинке. Мы с тетей Викой пошли следом.

Дом Отшельника предстал передо мной совершенно неожиданно. Он настолько вписывался в окружающий его пейзаж, что казался неотъемлемой составляющей частью природы наравне с горами, деревьями, ручьями, облаками. Дом был одновременно похож на большую деревенскую избу и на традиционное китайское жилище. Толстые бревна сочетались здесь с раздвижными дверями, а высокая крыша имела очертания, схожие с пагодами.

Внутри дома также наблюдалось смешение разнообразных стилей. Легкие перегородки делили жилище на несколько комнат. Мы оказались в гостиной, где находились большой открытый камин, низкий круглый стол, диван, несколько кресел и шкаф со стеклянными дверцами, полки которого были сплошь уставлены вазочками, расписными пиалами, фигурками людей и животных. Восточный аскетизм общей обстановки входил в контраст с содержимым шкафа. Более естественно и гармонично в нем смотрелись бы пять-шесть крупных предметов, а не три десятка мелких.

– Присаживайтесь! – Отшельник указал нам на диван.

Затем он поставил сумки на пол, трижды негромко хлопнул в ладоши и крикнул:

– Уважаемые домовые, прошу вас, подайте обед нашим гостям!

Через мгновение дом наполнился шуршанием множества ног, звоном посуды и тоненькими голосками. На столе начали появляться тарелки, чашки, ложки, а также столовые приборы, совмещающие в себе свойства ножа и вилки. С одной стороны у них была режущая кромка, как у ножа, но широкое лезвие расходилось тремя зубчиками, так что ими можно было накалывать пищу.

Но не необычная посуда занимала мое внимание. Я вертел головой, пытаясь разглядеть хотя бы одного домового из тех, кого, судя по звукам и по скорости работы, в доме было немало. Но все, что мне удавалось – это заметить бледные тени, проявлявшиеся тогда, когда невидимые существа оказывались между мной и окнами. И большинство этих теней имели совершенно не человеческие очертания.

Отшельник и тетя Вика, несомненно, заметили мое беспокойство.

– Не волнуйся, Калки, – сказала тетя Вика, – домовые Отшельника – милые и добрые существа. Они не хотят тебя напугать. Просто стеснительность и природная скромность не позволяют им сразу показаться незнакомым людям.

– Если ты и в самом деле маг, то можешь увидеть моих помощников, – произнес Отшельник.

Я попробовал сконцентрировать внимание на одном из домовых, передвижение которого выдавали шлепающие звуки, похожие на шаги босых мокрых ног по линолеуму. И я его увидел! Нельзя сказать, что это зрелище доставило мне особое эстетическое наслаждение – домовый был похож на растрепанный сноп сена высотой примерно мне по пояс, с огромными плоскими ступнями и широкими ладонями, без каких-либо признаков головы, глаз и прочих привычных атрибутов живого существа.

Сообразив, в каком направлении следует двигаться, я сумел рассмотреть и остальных домовых. Действительно, их было не менее двух десятков. Больших и маленьких. Толстых и тонких. Смешных и страшных. Почти человекообразных и совершенно невероятных. Почувствовав на себе мой взгляд, домовые вздрагивали и торопились скрыться в других комнатах. Создавалось впечатление, что они меня боялись. Но почему? Вообще-то, это мне полагалось бы бояться этих существ. Но я испытывал лишь любопытство и... и странное узнавание. Я постарался не нервировать домовых своим пристальным вниманием, так что они вновь стали для меня почти невидимыми.

Отшельник одобритительно покачал головой:

– Ты справился. Но это и неудивительно. Маг, сумевший открыть дверь, без труда разглядит невидимое. Я скорее удивился, узнав от Виктрикс, что ты впустил в дом оборотня.

– Это моя вина! – быстро произнесла тетя Вика. – Я учила Калки быть внимательным и осмотрительным, но никогда не объясняла, КОГО и ЧЕГО он должен опасаться.

– Теперь он это знает, – сказал Отшельник.

Тетя Вика посмотрела на меня:

– Да. Теперь он знает.

Я не хотел тратить время на долгую словесную игру и спросил у Отшельника напрямую:

– Что с моими родителями?

– Я сам много бы отдал, чтобы это узнать.

– То есть?...

– Об их судьбе никто не знает. Поверьте, я употребил много сил и времени, чтобы выяснить, что произошло десять лет назад в вашем доме. Но о Сильфите и Люце ничего не известно...

Сильфита – это моя мама. Люц – отец. Я сразу узнал имена, едва Отшельник их произнес вслух. Но, кроме имен, о родителях я больше ничего не помнил. Ни лиц, ни голосов, ни запахов. Ничего. Пустота...

А Отшельник продолжал рассказывать:

– Мне удалось лишь узнать, что все спецназовцы, ворвавшиеся внутрь дома, были уничтожены. В живых остались только те свидетели, что находились снаружи. По некоторым дошедшим до меня слухам, Сильфита и Люц воспользовались боевой магией, которая уничтожила их самих. Но их тел не нашли.

Я выдохнул воздух и сделал вдох. Я только теперь заметил, что слушал Отшельника, затаив дыхание. Тетя Вика также внимательно слушала рассказ. Более того, я мог бы поклясться, что она исподволь тщательно изучала самого Отшельника. Значит, ее уверения в абсолютной надежности приютившего нас боблина не были правдивыми? Она сомневалась в нем, как и я?

В рассказе Отшельника меня удивило одно услышанное слово. Поэтому я спросил:

– Вы сказали, что на дом моих родителей напали спецназовцы? Но тетя Вика говорила мне, что это были боблины.

Тетя Вика ответила:

– Среди нападавших были не только боблины, но и люди. Я имела в виду, что нападение было организовано и направлялось боблинами, которые хотели утвердить свою власть в

Колоссии. К сожалению, некоторые колосские люди им помогали... да, собственно, и продолжают помогать. Я права?

Последний вопрос был адресован Отшельнику. Тот кивнул:

– Увы, Виктрикс. За последние годы ситуация значительно ухудшилась. Я имею в виду ситуацию в Колоссии. Пока мы будем есть, я предлагаю посмотреть телевизор. Вам сразу все станет ясно.

– Телевизор? – удивился я.

– Давайте посмотрим! – оживилась тетя Вика.

К этому времени на столе стали появляться блюда с едой. Хлеб, помидоры и ветчину я узнал сразу, поданные тарелки с супом также казались знакомыми. А вот содержимое некоторых тарелок вызывало сомнения. То ли это были местные раки странной формы, то ли гигантские тараканы.

– Не забудь помыть руки перед едой! – напомнила мне тетя Вика.

Рядом с нами появились небольшие ведерки с розовой жидкостью. Повторяя действия Отшельника и тети Вики, я опустил в свое ведерко кисти рук и прополоскал их. Жидкость была чуть более густой, чем вода, и имела едва уловимый цветочный аромат.

– Теперь можно поесть? – спросил я.

– Теперь можно, – разрешила тетя Вика.

Я взял ложку и принялся энергично поглощать пищу. Я старался не смотреть на раков-тараканов и не задумываться о том, из чего сварен суп.

Отшельник позвал:

– Прукс, любезный, принеси, пожалуйста, телевизор!

Послышались тяжелые шаги, и один из домовых вкатил в гостиную большой плоский предмет на подставке с колесиками. Предмет был накрыт непрозрачной тканью. Когда Прукс снял ткань, я увидел некий аппарат, похожий на круглый выпуклый щит или на большой гонг, подвешенный на П-образной опоре. С краю к ободу щита был приделан блестящий металлический шарик.

– Прукс, дружище, включай! – распорядился Отшельник.

Домовой щелкнул по шарiku своей клешней (кажется, я забыл сказать, что Прукс был похож на двуногого краба с шестью руками-клешнями). Шарик начал кататься по ободу, быстро ускоряясь. Выпуклая сторона щита засветилась зеленоватым светом. Вскоре шарик разогнался до такой скорости, что начал казаться сплошным кольцом, а в щите появились двигавшиеся тени. Еще несколько мгновений, и выпуклый щит превратился в круглый экран. Я был так заинтересован устройством телевизора, что вначале не обратил внимания на саму телепередачу.

– Тетя Вика, а как эта штука работает?

– Какая штука?

– Ну, вот эта, которую вы называете телевизором.

– Ах, эта! Двигающийся шарик вызывает обновление изображения на экране.

– Похоже на яблочко, катающееся по тарелочке, – заметил я. – Прямо как в сказках.

– Яблочко на тарелочке – это самая древнейшая модель телевизора. С тех пор техника в Изначальном мире намного продвинулась вперед.

– Ты говорила, что этот мир похож на Землю. Но пока я вижу только отличия.

Отшельник вмешался в наш разговор:

– Калки, не обращай внимания на внешний вид предметов и живых существ. Проникай мыслью в их суть. Телевизоры на Земле – лишь подобие устройств Изначального мира. Посмотри, насколько лучше работает наш телевизор!

В этом я не мог с ним не согласиться. Изображение на выпуклой стороне щита было таким четким, что казалось почти осязаемым. Словно я не смотрел на экран, а через большой круглый иллюминатор заглядывал внутрь другого помещения.

– Моя антенна позволяет принимать телепередачи со всего мира, – с гордостью сказал Отшельник. – Прукс, будь добр, переключи на какой-нибудь колосский телеканал.

Домовой сделал своей клешней несколько пассов перед экраном, и я увидел помещение, чрезвычайно похожее на студию какого-нибудь ток-шоу. Только вместо людей на небольших трибунах сидели боблины: мужчины и женщины, все очень хорошо одетые и ухоженные. Но я почему-то испытывал к ним почти физическое отвращение, словно видел перед собой омерзительных чудовищ, зачем-то вырядившихся в человеческую одежду. С трудом подавив отвращение, я прислушался к тому, что говорил боблин-ведущий, непринужденно прогуливавшийся по студии с микрофоном в руках.

Ведущий обращался к телезрителям:

– Вы смотрите передачу «Свобода боблинского слова». Ее, как обычно, веду я – Сявка Шустрик. Сегодня для обсуждения мы выбрали тему: «Чего больше хотят люди – быть умными или быть счастливыми?» Среди приглашенных гостей в нашей студии присутствует известная женщина-политик, очаровательная Ирида Какаморда. Вам слово, Ирида...

– Спасибо, Сявка, за то, что ты решил обсудить важную и актуальную для жителей Колоссии тему. Долгое время колоссиянам внушали, что они должны быть умными, честными, добрыми, вежливыми, помогать слабым, не унижаться перед сильными. – Голос Какаморды насмешливо зазвенел. – Так говорили им представители Уравнительной церкви, которые семьдесят лет угнетали колоссиян. А в это время люди в Империке и в Еропке жили счастливо и свободно. Они вкусно кушали, хорошо одевались, ездили на роскошных машинах, путешествовали по свободному миру. Теперь, когда власть Уравниловки в Колоссии свергнута, колоссияне также получили возможность стать счастливыми. Но почему-то эту возможность использовали лишь единицы. Подавляющее большинство людей оказалось не готово к переменам, к новому типу мышления. Они по-прежнему считают, что ум, честь и совесть помогут им обрести счастье. Пришла пора раскрыть им глаза на эти многолетние заблуждения...

Ирида Какаморда продолжала вещать в том же духе, но ее слова пролетали мимо моих ушей.

– Тетя Вика, тебе все это ничего не напоминает?

Виктрикс напряженно вглядывалась в экран. Мне пришлось повторить вопрос, чтобы она обратила на меня внимание.

– Калки, теперь ты понимаешь, что Земля – это отражение Изначального мира? Боблины захватили здесь власть, и во всех остальных Отражениях начались перемены. Причем перемены не в лучшую сторону.

Я показал пальцем на экран:

– Я имел в виду, что эти лица мне знакомы. Они похожи на...

– Знаю, знаю! Ты хочешь сказать, что уже много раз видел их по телевизору. По нашему земному телевизору.

Я находился в растерянности:

– Но у нас Сявка Шустрик не боблин. И Ирида Какаморда тоже...

Отшельник сказал:

– И в этом мире Ирида Какаморда не боблин. Ее все считают человеком. Ее даже однажды выбирали в Государственную Мысль Колоссии. Но на самом деле она оборотень, принявший облик человека, чтобы одурачивать людей Колоссии, внедрять в их сознание идеи боблинов. Не зря же она все время носит темные очки – ими она скрывает свои неподвижные глаза оборотня. На самом деле Какаморду зовут Черная Пиявка. Она не просто оборотень, а самый страшный из оборотней – оборотень-вампир.

– А-а-а, – понимающе протянул я, – я слышал, что в нашем мире она тоже заявляла, будто реформы в России идут медленно, потому что их тормозит слишком большое количество пенсионеров. То есть, нужно уничтожить всех стариков – наших бабушек и дедушек – чтобы такие существа, как Ирида Какаморда, чувствовали себя хорошо.

Тетя Вика с гордостью посмотрела на меня и сказала Отшельнику:

– Вот видишь, Калки достаточно умен, чтобы все понимать и делать правильные выводы.

– На самом деле я вообще ничего не понимаю! – воскликнул я. – Объясните мне, как эти боблины и оборотни могут существовать сразу в двух мирах?

Отшельник ответил:

– В разных мирах существуют не одни и те же вещи или живые создания. Просто Отражения Изначального мира выглядят примерно так же, как и оригиналы. Но они не полностью идентичны. На Земле живут люди, но их мысли и дела могут быть мыслями и делами боблинов или оборотней.

– Но как же названия стран? – не мог успокоиться я. – Колоссия, Империка, Еропка – эти названия звучат, как пародии на государства Земли.

– А для меня земные названия кажутся пародиями на Изначальный мир, – усмехнулся Отшельник. – Все зависит от точки зрения. Отражение – не абсолютный дубликат оригинала, а его искаженный образ. Чем дальше Отраженный мир от Изначального, тем меньше он на него похож. Земля довольно близка, поэтому во многом сохранила черты Изначального мира.

Я вспомнил картинки из альбома. Там были нарисованы совершенно невозможные миры. Неужели, они тоже реально существовали, а не являлись фантазией художника?

Мне хотелось докопаться до истины:

– Значит, если я родился в Изначальном мире, то во всех отражениях существуют мои двойники?

– Это не обязательно. Отражения живых существ могут существовать, а могут и не существовать. И в то же время одно создание может иметь сразу несколько отражений в другом мире. Здесь нет однозначной линейной связи. Все определяют вероятностные искажения и интерпретации. Калки, ты знаком лишь с Землей, но ведь кроме нее существует бесчисленное количество иных Отражений Изначального мира. Там ты можешь встретить обитателей, не имеющих ничего общего с людьми или боблинами.

Пока мы разговаривали, передача «Свобода боблинского слова» продолжала идти. После Ириды Какаморды выступали другие приглашенные «эксперты». Их лица были мне незнакомы – честно говоря, на Земле я не слишком интересовался политикой – но все говорили примерно об одном: наступили новые времена, в Колоссию пришла долгожданная свобода, люди должны переменить мышление и стать такими же счастливыми, как жители Империки и Еропки. Все «эксперты» были боблинами. Они выглядели очень уважаемо, рассуждали о нуждах людей Колоссии с уверенностью непререкаемых авторитетов.

Тетя Вика поинтересовалась у Отшельника:

– Как давно боблины обзавелись собственной программой на Колосском телевидении?

Тот усмехнулся:

– Разве ты еще не поняла? Прукс, окажи любезность, переключи на другой канал!

На круглом экране появилось другое изображение: пожилой боблин с почти облысевшим черепом и кромкой седых волос на затылке сидел за столом, щурил глаза над толстыми линзами очков и говорил прямо в камеру:

– Долгое время Колоссия претендовала на роль ведущей мировой державы. Авторитарная Уравнительная церковь исповедовала принципы великоколосского шовинизма и национализма. Но теперь времена изменились, и Колоссия должна на равных войти в мировое сообщество. Надо научиться уважать другие точки зрения на жизнь. Надо избавиться от человеческого высокомерия. Когда люди, наконец, всем своим сердцем примут происходящие в стране пере-

мены и вместе с боблинами будут выступать против великоколосьского национализма, наступят совсем другие времена.

После окончания этого монолога по экрану побежали титры. За ними последовала реклама жевательной резинки примерно следующего содержания: «Жуй «Свинорол» и ни о чем не думай! Жуй «Свинорол» и наслаждайся! Жуй «Свинорол», и в жизни ждет тебя успех! Жуй «Свинорол», и ты будешь счастлив!»

– Жаль, что нам удалось застать только конец этой передачи, – сказал Отшельник. – Боблин Врунер пользуется доверием и уважением некоторого количества людей. Он говорит умно и в меру непонятно. Кроме того, он много лет прожил в Империке. Колосской интеллигенции это очень нравится. Она благоговеет перед всеми идеями, пришедшими с Запада.

– А я и его тоже знаю! – воскликнул я. – У нас он тоже ведет передачу... Точнее, на нашем главном канале работает его человеческое отражение.

Тетя Вика совершенно не разделяла мою радость:

– Отшельник, я раньше и не подозревала, что наше телевидение – всего лишь отражение вашего. Теперь мне многое видится в другом свете. Скажи, а передачи для людей еще остались?

– Остались... – старый боблин нахмурился. – Но, честно говоря, лучше бы их совсем не было.

– Почему?

– Суди сама, Виктрикс. Прукс, не сочти за труд, переключи на «Тупое быдло»!

– Куда-куда? – хором переспросили мы с тетей.

– Есть такая передача. Она называется «Тупое быдло». Там людей заставляют не только отвечать на примитивные вопросы, но еще и последовательно изгонять из команды самых умных и способных. Вот, смотрите сами!

На экране возникло изображение весьма симпатичной боблинки. Ее стройная фигура была затянута в черную кожу. Боблинка-ведущая презрительно оглядывала стоявших перед ней людей-игроков, лениво похлопывала по ладони плеткой-девятихвосткой, напористо и уничижительно вопрошала:

– Кто из вас достоин убирать навоз в коровнике? Чей интеллект находится на уровне земляного червяка? Чье место на обочине дороги в сточной канаве? Кто из вас, жалкие людишки, САМОЕ ТУПОЕ БЫДЛО?

– Ну, у нас такая передача тоже есть, – вспомнил я. – Только называется она по-другому.

– Калки, разве ты не заметил, что в Изначальном мире ВСЕ выглядит более четким и ясным? Не только предметы, но и мысли, названия, имена.

– Заметил, – сказал я. – Но почему местные жители этого не видят? Почему они позволяют себя унижать? Почему не возмущаются? Почему не сопротивляются?

– Они привыкли, – с грустью произнес Отшельник. – Кроме того, они не могут посмотреть на себя со стороны. Они считают, что все так и должно быть. Им кажется, что их жизнь вполне нормальна. Нет тех, кто мог бы раскрыть им глаза.

– А вы?

– Да кто же меня пустит на Колосское телевидение?!

Я едва не сказал: «Вы же сами боблин!», но вовремя одумался. Отшельник был совсем другим боблином. И для него не было места в обществе подобных по виду, но противоположных по взглядам сородичей.

Тетя Вика выглядела совершенно подавленной:

– Я и не думала, что в Колоссии все зашло так далеко. Всего десять лет, а боблины полностью завладели умами людей.

– Вы еще не видели самого мерзкого, – Отшельник сморщился, словно проглотил ложку соли. – Прукс, пожалуйста, включи «Щели»!

На этот раз домовой не торопился выполнить распоряжение хозяина. Он колебался, как будто боялся, что неправильно расслышал название передачи.

– Прукс, я не ошибся, – сказал Отшельник. – Я хочу, чтобы ты переключил телевизор на программу «Щели». Ту самую, которую ведет Димитрий Навриев.

С видимой неохотой домовой щелкнул клешней по телевизору. Я увидел молодого длинноволосого боблина, который вальяжно развалился на диване. Рядом с ним сидела светловолосая девушка-человек и, пряча глаза от направленной прямо на нее телекамеры, рассказывала:

– Я очень люблю животных. У меня есть собака. Я зову ее Милкой. Три раза в день я выгуливаю Милку в парке...

– Вы выгуливаете ее одна? – перебил девушку Димитрий Навриев и положил руку ей на плечо.

Девушка заметно смутилась, но руку боблина не скинула. Слегка дрогнувшим голосом она ответила:

– Раньше я гуляла одна. Но недавно в парке ко мне подошел очень симпатичный молодой человек...

– Неужели симпатичнее меня? – Навриев начал весьма откровенно ласкать плечо девушки.

Та старательно делала вид, что ничего не происходит, и продолжала говорить, как будто читала заученную роль:

– Молодой человек мне понравился. Мы стали встречаться. Он несколько раз оставался ночевать у меня дома...

– Как я его понимаю! – воскликнул боблин-ведущий и запустил руку за вырез платья девушки.

– ...Однажды я вышла в магазин, чтобы купить продукты. А когда вернулась, то увидела, что мой молодой человек и моя Милка...

– Ну-ну! – подстегнул девушку Навриев.

– ...В общем, молодой человек на самом деле любил не меня, а мою собаку. И со мной он познакомился только для того, чтобы оказаться с Милкой в одной квартире. Я пришла сюда, чтобы спросить: что мне делать в этой ситуации?

– А что вас не устраивает? – Навриев приблизил свое лицо к лицу девушки, высунул язык и часто-часто задышал, изображая собаку. – Я и сам люблю иногда побаловаться с животными.

С языка боблина стекла струйка слюны. Камера крупным планом показала, как жидкость потекла в ложбинку на груди девушки...

– Прукс, выключи эту гадость! – яростно выкрикнул Отшельник, но сразу же взял себя в руки: – Извините, не смог сдержаться.

Домовой с радостью исполнил приказ Отшельника. Бегающий по ободу диска шарик начал быстро замедлять свое движение. Светящийся экран погас.

Тетя Вика тяжело вздохнула:

– На Земле происходит примерно то же самое. Из людей вытравливают человечность. Людей изображают скотами и моральными уродами. И самое страшное, когда людям говорят, что именно такими они и должны быть.

– Вот такая жизнь началась в Колоссии, – подытожил Отшельник. – Прукс, спасибо, достаточно. Убери телевизор!

Прукс накрыл аппарат тканью и укатил его куда-то в другую комнату.

– Ужасно! – воскликнула тетя Вика. – Пал последний оплот человечности в Изначальном мире. Теперь необратимые изменения разойдутся по всем Отражениям.

– Возможно, изменения не такие уж и необратимые, – сказал Отшельник. – Есть разумные люди и честные боблины, которые понимают, что происходит в мире. Они готовы бороться.

– Бороться со всем миром?

- Если понадобится, то и со всем миром.
- Среди них есть могущественные маги?
- Нет. Пока нет. – Отшельник посмотрел на меня. Тетя Вика тоже.
- Калки еще слишком юн. Он не готов.
- Он – наша последняя надежда. Он – маг по крови.

Я решил, что пришла пора вмешаться в разговор, который шел обо мне:

– Не пора ли вам ответить на мои вопросы? Я посмотрел телевизор и понял, что в этом мире далеко не все в порядке. Но при чем тут я? При чем тут мои родители? Я знаю о том, что происходит на Земле, поэтому могу представить, в каких отношениях находятся Колоссия, Империка и Европка, то есть, Еропка. Но на Земле нет ни магов, ни боблинов, ни, в конце концов, оборотней и домовых. Объясните же, кто я такой? Почему за мной охотятся боблины и оборотни? Почему вы возлагаете на меня какие-то надежды?

Отшельник и тетя Вика переглянулись.

– Расскажи ты, – предложила тетя старому боблину. – Мне и самой интересно узнать, что произошло в Изначальном мире за те десять лет, которые мы провели на Земле.

– Начну издалека. Земля находится довольно близко к Изначальному миру, поэтому ты, Калки, верно подметил, что основные исторические потоки у нас совпадают. Но Изначальный мир не просто более четок, он еще и более многогранен. Его населяют не только люди, но и многие другие существа. Боблины – это одна из ветвей человеческой расы. Люди считают, что боблины – это промежуточная стадия между обезьяной и человеком. Боблины же уверены, что люди – дефектное нежизнеспособное звено в цепи эволюции.

Увидев на моем лице выражение удивления, Отшельник пояснил:

– Разумеется, такие взгляды не принято высказывать вслух, особенно в обществе представителей другого вида. Взаимная неприязнь существует на бытовом уровне, тогда как внешне на официальном уровне пропагандируется полное равноправие. И еще: я говорю о ПРЕОБЛАДАЮЩИХ взглядах. И среди людей, и среди боблинов есть те, кто искренне считает наши расы равными друг другу. Более того, браки между боблинами и людьми вполне возможны. У них рождаются здоровые дети-полукровки, которые также могут иметь потомство. Другое дело, что такие браки – большая редкость. Люди и боблины предпочитают не смешивать свою кровь и соблюдать, как они это называют, «чистоту расы».

– А оборотни? – спросил я.

– Они также родственны людям и боблинам. И среди них встречаются вполне достойные создания. Но все-таки большинство оборотней ступило на путь зла. Возможно, в этом виноваты сами люди. Раньше они охотились на оборотней, уничтожали их. Поэтому оборотни собирались в тайные организации, чтобы бороться за свое место под солнцем. Теперь оборотни тоже имеют равные с людьми и боблинами права, но по-прежнему предпочитают держаться в тени, либо для маскировки действуют в обликах людей.

– Понятно, – сказал я, подумав про себя, что здесь тоже можно провести некоторые параллели с Землей.

– Хорошо! – улыбнулся Отшельник. – Теперь немного об истории Изначального мира. В древности все воевали со всеми. Рождались и исчезали страны. Зачастую люди сражались с людьми, а боблины – с боблинами. И те и другие в войнах использовали оборотней. Оборотни, в свою очередь, вели свою тайную игру. Около тысячи лет назад границы государств Еропки и Язвии определились, и с тех пор остаются практически неизменными. Примерно пятьсот лет назад была открыта Империка. Аффига до сих пор пребывает в полудиком-полудивилизованном состоянии.

Я кивнул головой, сопоставив историю Изначального мира с историей Земли. В основном, все сходилось.

Отшельник продолжал рассказ:

– Так получилось, что государства, созданные людьми на территории Еропки и Империи, быстро набирали силу. Этому способствовало использование нефтелины и теллургия. Теллургий – это металл, из которого изготавливаются различные механизмы и приборы. Нефтелин – жидкое вещество, которое при сгорании выделяет энергию, приводящую в движение машины из теллургия. Люди постоянно совершенствовали теллургические машины, и потому смогли добиться больших успехов в военном деле, в строительстве, в сельском хозяйстве. Люди Еропки подчинили себе практически весь Изначальный мир, разграбили богатства древних государств Язвии и Аффики, захватили страны боблинов и оборотней.

Я уже знал, что последует дальше, поэтому слова Отшельника меня не удивили:

– Но, как я уже говорил, люди воевали не только с боблинами и с оборотнями, но и друг с другом. Причем, чем сильнее становились человеческие государства, тем больше они боялись и ненавидели своих соседей. В Еропке произошло несколько чудовищных войн, которые ослабили человеческую расу. Одновременно с этим боблины из захваченных колоний начали переселяться в Еропку и Империку. Постепенно боблинов становилось все больше и больше. Вначале их принимали только на «черную», непрестижную работу, но вскоре боблины начали проникать в торговлю, в финансовую область. И вскоре людям пришлось считаться с ними. Под давлением боблинских финансово-промышленных корпораций были приняты законы, уравнивавшие в правах людей и боблинов. А еще через некоторое время вдруг выяснилось, что теперь боблины управляют странами Еропки и Империи, а люди являются лишь послушными исполнителями их воли. Но в Еропке и особенно в Северной Империи в настоящее время достигнут определенный баланс между интересами людей и боблинов. И те, и другие живут вполне благополучно. Это объясняется тем, что империканским и еропкейским боблинам нет необходимости грабить «своих» людей. Им достаточно того, что они занимаются экономическим грабежом Язвии, Аффики и Южной Империи. И хотя большинство политиков в Империи и странах Еропки – люди, на самом деле они всего лишь выполняют приказы истинных хозяев – боблинов.

– Расскажи Калки о Колоссии! – подсказала Отшельнику тетя Вика.

– О, у Колоссии весьма необычная судьба! Она расположена частично в человеческой Еропке, частично – в боблинской Язвии. Люди и боблины издавна жили здесь бок о бок. Ни в одной другой стране нет такого количества полукровок, как в Колоссии. И раньше в этой стране никогда не возникали межрасовые конфликты. Много раз колоссийские люди и боблины плечом к плечу отстаивали свободу своей Родины от вражеских вторжений с Запада и с Востока. Но «беда» Колоссии в том, что на ее территории находятся необъятные запасы теллургия и нефтелины. Эти богатства давно не дают покоя боблинам Еропки и Империи. Много раз они пытались наложить на них свои руки, и много раз получали достойный отпор. Поэтому боблины решили изменить тактику. В начале прошлого века они организовали в Колоссии революцию, рассчитывая этим ослабить страну. К власти в Колоссии пришла Уравнительная церковь, которая пропагандировала идеи всеобщего равенства. Но империканские и еропкейские боблины просчитались – Колоссия под властью Уравниловки только окрепла и стала еще сильнее, чем была прежде. Теперь уже ее враги начали опасаться, что весьма привлекательные для простого народа идеи равенства распространятся по всему Изначальному миру.

Чтобы установить свою власть над Колоссией, боблины придумали новый план. Они внедрились в верхушку Уравнительной церкви своих тайных агентов. Те начали разлагать государство изнутри, на фоне общего равноправия демонстративно заниматься личным обогащением, в то время как нормы потребления для народа были значительно снижены. Говорят даже, что некоторые представители Центрального Конклава Уравнительной церкви, их жены и особенно дети на самом деле были подменены оборотнями. Так вражеские агенты подготовили почву для массового народного недовольства. Чтобы хоть как-то стабилизировать положение в Колоссии, Центральный Конклав Уравнительной церкви избрал своим Верховным Жрецом

Мафусаила Трепачёва. Худшей кандидатуры невозможно было представить. Трепачёв был безвольным, недалеким человеком, а его жена – полукровкой, которую одинаково не любили и люди, и колосские боблины. Трепачёв довел жителей Колоссии до проявлений открытой ненависти к государству и правительству.

Все это было на руку тем, кто давно работал на боблинов Империки и Еропки. Под их руководством десять лет назад произошел государственный переворот, в результате которого от Колоссии отделились несколько больших частей. В самой Колоссии к власти пришел Эль-Цзын. Возможно, сам он искренне полагал, что действует во благо колосского народа, но окружавшие его боблины, оборотни и продавшиеся им люди управляли Колоссией от его имени и в своих интересах. Для Колоссии наступили тяжелые времена. Боблины проводили одну реформу за другой, и каждая новая реформа приводила к тому, что честные рабочие люди жили все хуже и хуже. В то же время появилась прослойка богатых боблинов, которые не без помощи своих заморских сородичей прибрали к рукам все заводы и фабрики Колоссии, а особенно добычу и переработку теллургия и нефтелина. То, что раньше принадлежало всему колосскому народу, как-то быстро и незаметно перешло в личную собственность нескольких боблинских кланов. Теперь боблины полностью контролируют торговлю, средства массовой информации, энергетическую сеть страны. Боблины-журналисты формируют общественное сознание. Люди нищают, боблины богатеют, и при этом все считают, что так и должно быть.

– Если я не ошибаюсь, Эль-Цзын Колоссией больше не управляет? – спросила тетя Вика. – На Земле к власти пришло другое отражение.

– Да, ты права. Два года назад Венценосцем Колоссии стал Вессарион Вессарионович Стагин.

– Венценосцем?

– Да. Теперь правителя Колоссии называют Венценосцем. Этот титул принял еще Эль-Цзын. Его преемнику он тоже очень нравится. Стагин пришел к власти под лозунгами защиты людей от произвола боблинов и оборотней. Но в настоящее время разграбление богатств Колоссии продолжается, боблины по-прежнему выкачивают из нее теллургий и нефтелин и проводят новые античеловеческие реформы. Все боблинские средства массовой информации работают для того, чтобы лишить людей остатков самостоятельного мышления и трезвой оценки окружающего мира. То, что происходит сейчас в Колоссии, вы могли видеть по телевизору.

– Но причем здесь я и мои родители?! – вырвалось у меня.

– Магия в Изначальном мире издавна соседствовала с наукой и техникой. Но около трехсот лет назад, когда началось широкое использование теллургических машин и нефтелиновой энергии, магия оказалась на задворках прогресса. Маги обладали огромной властью в древности, но в эпоху становления демократических государств они добровольно ушли с исторической сцены. Ушли, но не исчезли. Маги образовали тайный союз, который поставил перед собой цель исправлять несовершенство мира, сдерживать напористых боблинов и поддерживать честных людей. Позже магов обвиняли в том, что они сотрудничали с оборотнями, но это отвратительная клевета. Союзы магов и союзы оборотней издавна враждовали друг с другом. Маги вели Изначальный мир по пути познания и добра, а оборотни стремились столкнуть его в хаос и анархию. Но не оборотни, а захватившие власть в Еропке и Империке боблины стали для магов самыми страшными врагами. Боблины не собирались мириться с силой, которая ограничивала их притязания на мировое господство. Так началась долгая тайная война. Причем война не столько физическая, сколько интеллектуальная. Боблины объявили магию мифом, вымыслом, детской сказкой. Успехи научно-технического прогресса вроде бы свидетельствовали о справедливости этих утверждений. История Изначального мира была боблинами частично подкорректирована, частично переписана по-новому. Так что сейчас практически все обычные жители Изначального мира – и люди, и боблины, и оборотни – не верят в

реальность магии и в существование магов. Я даже скажу больше: о множественности миров, об Отражениях знают лишь единицы. Эта информация строжайше засекречена и доступна только боблинам из высших эшелонов власти.

– Но почему маги не сопротивлялись?

– Во-первых, их всегда было очень мало. Постигание магии – долгий и трудный процесс. Не каждый может пройти этот путь до конца. Во-вторых, маги, конечно же, пытались бороться. Но их подвела собственная доброта. Боблины без всяких угрызений совести уничтожали магов, тогда как маги причиняли вред живым существам только в исключительных случаях. Когда маги опомнились, их сопротивление уже было сломлено. Перед ними была поставлена дилемма: либо открыто выступить на последний бой со всем миром, либо скрыться. Они выбрали последнее. Но боблины не прекратили преследования магов. Они отыскивали их по всему миру и уничтожали. Так произошло и с твоей семьей. В правление Уравниловки в Колоссию не могли проникнуть боблинские специальные службы по уничтожению магов. Но во время переворота десять лет назад они нанесли стремительный и жестокий удар. Остальное ты знаешь...

– Выходит, магия – не такая уж сильная штука, если не может защитить даже самого мага.

– Это не совсем так. Просто истинный маг скорее допустит, чтобы причинили вред ему, чем сам причинит вред.

Я хмыкнул:

– Тогда я не истинный маг!

Отшельник и тетя Вика внимательно на меня посмотрели.

Старый боблин осторожно спросил:

– Скажи, Калки, как ты сможешь себя защитить?

Я решил произвести впечатление и продемонстрировал свой трюк с «бабочкой»: выхватил нож из кармана и одним взмахом развернул лезвие. Но эффект получился совершенно не такой, на какой я рассчитывал. Тетя Вика вскрикнула от ужаса, а Отшельник горестно вздохнул.

– Калки, зачем ты это сделал? – спросил боблин.

– Земля – не самое спокойное Отражение, – объяснил я. – У маленького слабого хоббита должны быть острые зубки.

Отшельник не оценил мою цитату из Толкиена:

– Ты не должен пользоваться материальным оружием. Ты – маг! Твоя сила – в твоём таланте.

– Но я-то об этом раньше не знал!

Отшельник осуждающе посмотрел на тетю Вику:

– Виктрикс, почему ты не заметила, что Калки идет не в ту сторону?

– Да, я виновата, – опустила глаза тетя Вика. – Я проглядела мальчика. Но Земля, и правда, не лучшее место для спокойной благостной жизни. На ней отразилось все, что происходило в Изначальном мире. На Земле много зла, которое влияет даже на маленьких детей.

– Это не оправдание! – крикнул Отшельник. – Ты отвечала за Калки, Виктрикс! Тебе доверили не только его жизнь, но и его душу!

Боблин гневно скалил свои клыки, и во мне внезапно закипел гнев. Как смеет это существо кричать на тетю Вику, которая посвятила мне всю свою жизнь?... Раздался звон разбитого стекла. Я не столько увидел, сколько почувствовал, как домовые бросились врассыпную. Оказалось, что нож вырвался из моей руки и, просвистев возле уха Отшельника, попал в шкаф и вдребезги разнес половину его содержимого.

В комнате повисла мертвая тишина. Тетя Вика и Отшельник сидели с совершенно белыми лицами. Домовые прятались где-то в дальних комнатах.

– Извините, – пробормотал я. – Сам не понимаю, что на меня нашло.

Губы Отшельника дрогнули, шевельнулись, а потом растянулись в широкой улыбке:

– Виктрикс, я беру все свои слова назад. Калки вырос именно тем, кого мы ждали. Ему еще не хватает выдержки и самоконтроля, но его сила сильна.

– Я что, рыцарь-«жидай»? – спросил я.

Но Отшельник опять не понял моей шутки:

– Ты – маг по крови. Кроме того, ты маг, способный на решительные, подчас жесткие действия. Но тебе нужен достойный учитель. Боюсь, что я тебе помочь не смогу. Я всего лишь маг по обучению.

– А в чем разница?

– Маг по крови – это не просто ребенок магов. Это совершенно особый организм, буквально пропитанный магией на генетическом уровне. Маг по крови творит магию естественно и не задумываясь. Маг по обучению – это человек или боблин, который всю свою жизнь потратил на то, чтобы выучить несколько десятков более или менее эффективных заклинаний.

– То есть, я не совсем человек? – решил уточнить я.

– Ты человек. Ты уязвим и смертен. Но ты имеешь талант, который делает тебя непохожим на обычное разумное существо.

– Мне хотелось бы поточнее узнать, на что я способен и что мне угрожает.

– Увы, я этого не знаю. Обучить тебя может только такой же маг по крови. И я знаю одного такого. Это Вечный Ребенок.

Тетя Вика открыла рот, как будто хотела что-то сказать, но потом передумала и промолчала. Однако Отшельник заметил ее сомнения:

– Виктрикс, ты слышала о Вечном Ребенке?

– Слышала. Я знаю, что он живет в Детском мире.

– Вот именно! – Отшельник поднял вверх указательный палец. – Туда не смогут проникнуть враги Калки.

– Ты хочешь послать Калки в Детский мир?

– Ты можешь предложить что-то получше?

Тетя Вика грустно вздохнула:

– Мне будет его не хватать...

Отшельник успокаивающе произнес:

– Не переживай, Виктрикс. Думается мне, что обучение Калки продлится недолго.

– Но зачем мне вообще куда-то идти?! – вскричал я. – Вы ведь тоже могущественный маг. Вон сколько домовых вам подчиняются.

– Домовые – это всего лишь духи, которые нашли себе последнее убежище в Тассисудуне. Сюда они перебрались из-за того, что теллургические машины и нафтелиновая энергетика наносят вред их полуматериальной сущности.

– Сейчас мы находимся в местности под названием Тассисудун, – сказала тетя Вика. – На Земле это примерно соответствует Тибету.

– Я не знал, что мы так далеко от Колоссии, – удивился я.

– Для магов нет больших расстояний, – наставительно произнес Отшельник. – Ведь ты можешь открыть дверь в любое место.

– А вы тоже можете?

– И я могу. Но мне для этого приходится прилагать намного больше сил, чем тебе. Кроме того, выбираться из затерянного в горах Тассисудуна в последнее время становится небезопасно. Боблинские спецназовцы сжимают кольцо вокруг последнего прибежища магии.

У меня мелькнула догадка:

– Уж не поэтому ли вы так торопитесь отправить меня в Детский мир? Кстати, что это за место, и почему боблины не смогут меня там достать?

– Детский мир – это одно из Отражений Изначального мира. Его история несколько отличается от нашей. В последней войне там было использовано биологическое оружие – так называемый «вирус старости». Когда организм зараженного человека выходит из детского возраста, перестает расти и развиваться, его клетки сразу же начинают разрушаться. Так что ни одному обитателю Детского мира не удастся перешагнуть восемнадцати-двадцатилетний рубеж. В этом мире, как и на Земле, живут одни лишь люди. Вирус поразил их всех. От него нет защиты. Он в воде, в воздухе и в почве.

Я не поверил своим ушам:

– Если там остались одни только дети, то все они должны скоро умереть?

– Нет. Ведь способность к деторождению появляется раньше, чем организм окончательно взрослеет. Так что обитатели Детского мира продолжают свой род, несмотря на поразившую их болезнь. Среди них живет один из последних магов по крови – Вечный Ребенок. Там он чувствует себя в безопасности, так как агенты боблинов не могут до него добраться. Ты должен разыскать Вечного Ребенка. Он тебе поможет.

Я сразу почувствовал подвох:

– Если я попаду в Детский мир, то и сам заражусь «вирусом старости»!

– Ты опять не прав, Калки. Твоя кровь прирожденного мага защитит тебя от любых болезней. Вечный Ребенок живет в Детском мире уже лет тридцать, и чувствует себя довольно хорошо.

– А когда я вернусь из Детского мира, то не принесу вирус с собой?

– Ты предусмотрителен, Калки. Это делает тебе честь. Но ты можешь не беспокоиться. Вирус не повредит тебе, и ты не заразишь им другие Отражения.

Похоже, на все мои вопросы старый боблин имел ответы. У меня больше не было причин отказываться от путешествия в Детский мир, разве только...

– Тетя Вика, ведь ты не сможешь пойти со мной?

Виктрикс вздохнула:

– Калки, я буду ждать тебя здесь. В Детском мире я не проживу и трех дней. Я и тебе ничем не помогу, и сама погибну. Но я знаю, что в Детском мире тебе грозит меньше опасностей, чем в Изначальном мире или в любом другом его Отражении. Поэтому я за тебя спокойна. Ты даже не простудишься и не заболеешь.

– Но разве боблины или оборотни для проникновения в Детский мир не могут воспользоваться противогазами и герметическими комбинезонами?

– Могут, – ответил Отшельник. – Но представь себе длительную военную экспедицию, ни один участник которой не может ни на минуту снять защитный костюм. Стоимость необходимого оборудования, запасов воздуха, воды и пищи несоразмерна возможной удаче. Ведь такая экспедиция привлечет внимание жителей Детского мира, и маг – объект охоты – сто раз успеет скрыться.

– Тоже верно... – пробормотал я, но тут же спохватился: – А как я сам найду Вечного Ребенка?

– Уверен, он сам тебя найдет. Когда ты появишься в условленном месте...

– В условленном месте?

– Я имел в виду, что ты появишься в месте, которое нарисовано в альбоме для открытия дверей. Вечный Ребенок сразу почувствует, что в Детском мире появился маг, и поспешит к тебе на встречу.

Крыть эту карту мне было нечем. Отшельник продумал абсолютно все. Моя судьба была определена и расписана гораздо подробнее, чем жизнь на Земле.

– Калки, ты согласен? – с надеждой посмотрел на меня Отшельник.

– А разве вы оставили мне выбор?

Лицо старого боблина просветлело:

– Калки, твое появление – просто чудо! И сам ты – молодец! Мы на тебя надеемся!

– Отшельник, дай Калки немного отдохнуть, – вмешалась тетя Вика. – Сегодняшний день изменил всю его жизнь. Пусть он переночует здесь, а завтра отправится в Детский мир.

Пока мы обедали, смотрели телевизор и разговаривали, на улице стемнело. Домовые зажгли несколько ярких ламп, которые хорошо освещали внутреннее пространство дома Отшельника. Лампы были изготовлены из литого металла и полупрозрачной бумаги, внутри них горели живые огоньки, которые давали много света, больше, чем от свечей или керосинок.

– Пока ты будешь спать, я соберу твои вещи, – сказала мне тетя Вика.

Я почувствовал, что и в самом деле не прочь прилечь на кровать. Впечатления сегодняшнего дня будоражили мой мозг, но тело требовало отдыха. Отшельник и пара домовых проводили меня в отдельную комнату, где я обнаружил вешалку и низкую кровать.

– Вот твой нож, – боблин протянул мне мою «бабочку», а я даже не заметил, когда он успел вытащить ее из разбитого шкафа. Впрочем, это могли сделать и домовые, а потом передать ее своему хозяину.

– Я прошу прощения за свой поступок, – сказал я. – Я не нарочно.

– Ничего страшного. Такой быстрой телепортации предметов я не видел лет двести.

– Вам так много лет? – удивился я.

– Немало, – вздохнул боблин. – Спи, Калки, завтра тебя ждет первое самостоятельное путешествие.

Он вышел из комнаты, и домовые задвинули за ним створки скользящих по полу дверей. Я разделся и лег на непривычно жесткую кровать с маленькой узкой подушкой. Впрочем, несмотря на неудобства, заснул я почти мгновенно...

* * *

Когда я проснулся, то сперва не понял, что по-прежнему нахожусь в доме Отшельника. Я начал строить в голове планы на сегодняшний день: успеть в школу, сделать уроки... но потом ощутил под собой непривычно жесткое ложе, и сразу же мои мысли побежали в совершенно другом направлении. Да, вчерашний денек выдался просто изумительным! Наверное, я не сошел с ума только потому, что во мне, и правда, текла кровь магов. Я не только узнал о мире и о себе много нового, но и взвалил на себя груз обязанностей и обещаний. Возможно, уже совсем скоро мне придется пожалеть о том, что я дал себя уговорить. Перспектива путешествия в Детский мир и поиск волшебника с идиотским именем Вечный Ребенок вызывала у меня не слишком большой энтузиазм.

И еще: я чувствовал, что Отшельник и тетя Вика вчера что-то не договаривали. Речь шла не об истории Изначального мира – тут-то рассказ боблина был честным и, несмотря на вынужденную краткость повествования (попробуйте сами за пару часов пересказать всю историю человеческой цивилизации на Земле!), достаточно емким. Но вот все, что касалось магии, моих родителей и меня самого...

Отшельник прямо не ответил ни на один мой вопрос, а вместо объяснений торопился выпроводить в Детский мир. С чем это было связано? С тем ли, что он сам, и правда, не мог мне ничем помочь? Или же здесь, в его доме, мне грозила опасность? В любом случае, тетя Вика была согласна с Отшельником, а у меня не было причин перестать ей доверять. Значит, меня ждало первое за десять лет длительное расставание с тетей Викой и путешествие в Детский мир.

Я потянулся, встал и начал одеваться. Домовые, как будто все время караулили под дверью, тотчас же появились в комнате и начали наводить порядок на кровати: убирать смятое белье и стелить новое. Поняв этот весьма недвусмысленный намек, я вышел из комнаты и направился в гостиную. Там меня уже ждали тетя Вика и Отшельник. Боблин был одет по-

домашнему – в длинный халат из блестящей зеленоватой ткани с вышитыми ярко-алыми цветами. Тетя Вика была одета во вчерашний дорожный костюм, как будто совсем не ложилась спать или готовилась к путешествию.

Я обрадовался было, подумав, что планы изменились и я вместе с тетей Викторией отправлюсь куда-нибудь в более гостеприимное место. Но первые же ее слова показали, что все осталось по-прежнему:

– Доброе утро, Калки! Я собрала твои вещи. Вот посмотри: носки, свитер, теплая куртка...

Тетя Вика демонстрировала мне содержимое рюкзака, на котором был нанесен характерный рисунок в виде запятой-закорючки и написано: «MIKE». То ли это была местная оригинальная продукция, то ли земная китайская подделка под известную спортивную фирму. Скорее, все-таки первое. Откуда у Отшельника могли оказаться земные предметы? Вчера я пребывал не в том состоянии, чтобы заметить, какие вещи захватила из нашей квартиры тетя Вика, но такого рюкзака у нас точно раньше не было.

Слушая тетю Виду, я ритмично кивал головой в знак согласия, а сам поглядывал на стол, где домовые расставляли чашки с дымящимся ароматным напитком, напоминающим кофе, и тарелки с горячими булочками.

Отшельник перехватил мой взгляд и сказал тете Вике:

– Калки сам разберется со своими вещами. Дай ему спокойно поесть!

Та запнулась на полуслове, но быстро сообразила, что завтрак остывает.

– Прошу к столу! – произнес боблин и сделал широкий жест руками.

Меня долго упрашивать не требовалось. Я схватил теплую булку раньше, чем опустился на стул. Отшельник сел медленно и степенно, как и полагалось хозяину дома. А тетя Вика присела на краешек стула боком, и одной правой рукой стала брать по очереди то чашку, то булку. Ее левая рука была прижата к телу. Кроме того, тетя Вика даже не сняла свою удлиненную куртку. Ее поведение меня удивило. Мне показалось, что у нее болит рука. Я присмотрелся и тут только сообразил, что домовые стараются держаться от тети Вики на некотором удалении. А левой рукой она не действовала потому, что локтем прижимала спрятанный под одеждой довольно тяжелый предмет.

Я спросил с совершенно невинным видом:

– Тетя Вика, что ты держишь под курткой?

Она заметно смутилась, а Отшельник широко улыбнулся:

– Вот видишь, Виктрикс, я был прав. Калки все заметил. Не стоило садиться за стол с автоматом.

Я едва не поперхнулся:

– С автоматом?!

Тетя Вика, словно пойманная с поличным школьница, списывавшая на контрольной со шпаргалки, приоткрыла полу куртки и продемонстрировала оружие, очень сильно смахивавшее на пистолет-пулемет фирмы «Хеклер и Кох». Но это была не земная модель. Автомат имел короткий ствол с широким кубическим глушителем на конце. Его магазин был прямым и длинным, а приклада не было совсем.

Извиняющимся тоном тетя Вика произнесла:

– У Отшельника есть оружие, но не нашлось никакого снаряжения. Я не успела изготовить подвеску под автомат... и пистолеты.

Она вытащила из карманов куртки и выложила на стол пару изящных блестящих «стволов» тоже неземного производства.

– Это мне? – спросил я без всякой надежды на положительный ответ.

– Нет, ЭТО – мне, – внушительно произнесла тетя Вика. – У тебя свое оружие, у меня – свое. А, как известно, за двумя зайцами погонишься...

– ...Штаны порвешь! – закончил я. – Можно хоть пощупать?

– Пожалуйста, – тетья Вика быстрыми профессиональными движениями вытасила обойму из пистолета, оттянула затвор, убедилась, что патрона в стволе нет, и только потом протянула оружие мне.

Пистолет удобно лег в мою ладонь. Он был не тяжелым, а... как бы это поточнее выразить... весомым. С ним бы я чувствовал себя более уверенным, чем с ножом-«бабочкой». Хотя... у огнестрельного оружия есть один серьезный недостаток – слишком быстро заканчиваются патроны. Только в кино и в компьютерных играх их запас безграничен и неисчерпаем.

Я вернул пистолет тете Вике:

– Тебе-то это зачем?

– Я сопоставила события вчерашнего дня. Если оборотни нашли нас в Москве, то они могут найти нас и в Тассисудуне. Тогда одного холодного оружия может оказаться недостаточно.

– Может быть, я открою дверь в какое-нибудь безопасное место? – предложил я.

Тетья Вика покачала головой:

– Если оборотни вышли на след, они с него уже не сойдут. Я не сомневаюсь, что боблинам и оборотням помогают маги. По крайней мере, хотя бы один. Так что враги найдут нас в любом Отражении. Встреча с ними – вопрос времени.

– Тогда, может, я останусь? Все-таки вместе как-то поспокойнее...

– Нет, Калки, ты должен идти. Мы подождем тебя здесь.

– Ладно... – я допил кофе и доел свои булочки. – Давайте приступать, пока я не передумал.

Отшельник, словно давно был готов к этому моменту, щелкнул пальцами, и один из домашних положил на стол альбом с картинками-ключами в другие места и миры. Боблин раскрыл альбом и показал мне нужное изображение:

– Вот, Калки, это дверь в Детский мир. Открой ее, и окажешься в доме Привратника.

На картинке была изображена пустая комната. Пыльная, заброшенная, местами затянутая паутиной. Вернее, это была не комната, а высокий чердак – на картинке я увидел наклонные балки и часть обрешетки. Лучи солнца освещали помещение, попадая внутрь через высоко расположенное окно.

– Не слишком-то приятное место, – с сомнением протянул я, разглядывая пустынный чердак.

– Таковы все каталогизированные места, – Отшельник хлопнул ладонью по альбому. – Для ключевых мест открытия дверей выбираются места уединенные и почти не изменяющиеся с течением времени. Не волнуйся, Калки, это чердак дома, где тебя встретят с радушием и помогут освоиться в Детском мире.

Я с сомнением пожал плечами, но вынужден был подчиниться Отшельнику и тете Вике. В конце концов, всем нам было одинаково нелегко. Всех нас ждали трудные времена. Оружие в руках тети Вики было лучшим тому подтверждением.

– И как мне открыть дверь? – мрачно поинтересовался я.

– Тот, кто уже сделал это однажды, не должен задавать подобных вопросов! – наставительно произнес Отшельник.

Он встал из-за стола, подошел к раздвижным межкомнатным дверям и приоткрыл их ровно настолько, чтобы дверной проем по соотношению высоты и ширины соответствовал картинке в альбоме.

Тетья Вика подала мне рюкзак и альбом:

– Возьми это с собой! Назад вернешься через сад камней уже знакомой дорогой. Если за время твоего отсутствия произойдет что-то важное, то мы оставим записку под самым близким к тропинке валуном. Он небольшой, и ты легко его перевернешь. Все понял?

– Если на вас нападут оборотни или боблины, то как вы успеете написать записку и отнести ее в сад камней?

Тетя Вика с наигранной веселостью взъерошила мне волосы:

– Очень просто! Отшельник откроет дверь в сад камней, и мы легко скроемся от врагов, напавших на дом. Привыкай к магическим дорогам, Калки!

Я понял, что об окружающем мире и о магических возможностях мне еще предстоит очень много. Пожалуй, мне, и правда, требовалось повидать Вечного Ребенка – такого же, как и я, мага по крови.

Я закинул за спину рюкзак, взял в руки альбом и посмотрел на изображение чердака. Потом уставился на дверной проем, мысленно рисуя в нем очертания реальных предметов. У меня ничего не получилось.

Отшельник посоветовал:

– Не смотри прямо на дверь. Постарайся вначале взглянуть на нее боковым зрением и увидеть общее изображение, как на картинке. Когда контакт станет более четким, поверни голову и дорисуй недостающие детали.

Я попробовал поступить именно так. И боблин оказался прав! Скосив глаза на дверь, я вместо соседней комнаты увидел в проеме полумрак пыльного чердака. Медленно переводя взгляд, я ощутил, как изображение становится более четким и реальным. Потом я осмелел и посмотрел прямо на дверь. Все было готово к переходу – чердак незнакомого чужого дома находился на расстоянии нескольких шагов.

– Иди, Калки! – тетя Вика обняла меня, поцеловала в обе щеки, а потом мягко подтолкнула к двери. – Иди!

– Мы будем ждать тебя! – добавил Отшельник и похлопал меня по плечу. – Иди!

И я пошел...

Глава 3. Детский мир.

...Когда я ступил на покрытый пылью пол чердака, то сразу ощутил запах старой пре-лой древесины. Механизм открытия магических проходов между мирами был мне абсолютно непонятен. Почему я сам, мои вещи и даже другие люди свободно проходили через открытую мною дверь, а вирусы и запахи через нее не распространялись?

Я чихнул, и никто не пожелал мне: «Будь здоров!» Я обернулся и убедился в том, что дверь между мирами закрыта. Позади меня находилась вполне обычная дощатая дверь, кото-рая, очевидно, вела на нижние этажи здания.

Стараясь ступать аккуратно, чтобы не поднять с пола пыль, я подошел к двери и подергал металлическую ручку. Дверь не поддавалась. Или она перекосилась от времени, или же, вообще, была заперта. Я пригляделся к дверной коробке и понял, что дверь должна открываться внутрь, то есть на меня. Я потянул ручку на себя, постепенно увеличивая усилие.

За дверью раздался громкий звон колокольчика, и в тот же момент она распахнулась. Я едва устоял на ногах. Посмотрев в открывшийся дверной проем, я увидел крутую деревянную лестницу, уходящую куда-то вниз. Лестница, в отличие от пыльного запущенного чердака, была чистой и казалась недавно изготовленной. Кроме того, я понял, почему дверь сперва не поддавалась: к ее ручке с другой стороны была привязана бечевка, протянутая через ролик к медному колокольчику. Чтобы открыть дверь, нужно было порвать бечевку и привести в действие сигнальную систему. Значит, мое появление на чердаке не станет неожиданностью для хозяев дома.

Я осторожно приблизился к лестнице и заглянул вниз. Но моему взору был доступен лишь небольшой квадрат дощатого пола. Он был довольно хорошо освещен, но совершенно пуст.

Мне в голову не пришло ничего лучше, чем крикнуть:

– Эй, тут есть кто-нибудь?

Мне никто не ответил, но каким-то шестым чувством (возможно, не шестым, а просто магическим), я ощутил внизу присутствие кого-то живого.

– Эй, я знаю, что вы здесь! – крикнул я. – Ответьте мне!

Снизу раздался голос невидимого ребенка лет пяти-шести:

– Сейчас я сбегая за старшими!

После чего я услышал удаляющийся топот детских ножек.

– Вот черт! – пробормотал я, а потом громко произнес, обращаясь к тем, кто, возможно, еще остался внизу: – Я спускаюсь!

Я засунул альбом в рюкзак, прикрыл дверь на чердак и медленно полез вниз. Едва моя голова оказалась ниже уровня потолка, я огляделся и понял, что попал в небольшую комнатку деревянного дома. Стены, сложенные из толстых древесных стволов, изнутри были ничем не обшиты. Одну стену комнаты занимали стеллажи с полками, на которых были расставлены гли-няные горшки, стеклянные банки и пластиковые канистры. Больше в комнате ничего не было, но полуоткрытая дверь, несомненно, вела в другие помещения здания. В большое застеклен-ное окно проникал дневной свет. Мне же, пока я находился на лестнице, были видны только трава, кусты и несколько деревьев.

Я спустился на пол, посмотрел в окно и увидел голубое небо с редкими облаками, поле с пересекавшей его грунтовой дорогой и далекий лес. В общем, вполне земной, мирный, пасто-ральный пейзаж. Словно я очутился не в Детском мире, а где-нибудь в Подмосковье. Правда, кусты и деревья возле дома были мне незнакомы. Они скорее походили на южные растения. И еще: несмотря на красоту местной природы, я не мог поставить ее вровень с яркими, сочными красками пейзажей Изначального мира.

Пока я разглядывал местность за окном, в соседней комнате послышался вполне взрослый мужской голос:

– Так ты говоришь, к нам явился гость из другого мира?

– Да, да! – отвечал уже знакомый мне детский голосок. – Сначала я услышал колокольчик, а потом кто-то спросил, есть тут кто-нибудь или нет.

Уверенные шаги приблизились к двери. Я напрягся. Дверь открылась, и передо мной предстали два человека. Старшему было лет восемнадцать. Он был чуть повыше меня, худощавый, русоволосый, голубоглазый. Второму, как я и предполагал, едва ли исполнилось больше шести лет. Его волосы были еще светлее, а глаза имели зеленовато-серый оттенок. Оба были одеты в куртки и брюки из некрашеного полотна, покроем напоминающие традиционную китайскую одежду. Увидев меня, и старший, и младший обитатели Детского мира застыли. Повисла пауза, в течение которой мы пристально разглядывали друг друга.

Первым прервал молчание старший:

– Добро пожаловать! Давно нас не посещали гости, являющиеся в дом через чердак. Последний раз это происходило тогда, когда я сам находился примерно вот в таком же возрасте. – Он показал на младшего. – Так что не обессудь, странник, если наш прием показался тебе не слишком торжественным. Мы уже разучились встречать подобных гостей.

– Да, ладно, – пожал плечами я. – Я и сам не вполне понимаю, куда и зачем попал.

На лице старшего отразилось легкое удивление.

– Ты – маг? – спросил он.

– Я маг по крови, если тебе это о чем-нибудь говорит.

– А-а-а! – облегченно вздохнул старший. – Тогда понятно, как ты оказался на чердаке.

– Здорово, что хоть кто-то что-то понимает!

– Я забыл представиться, – сказал старший. – Меня зовут Варинамин. А это Сашрин.

Младший парнишка, когда его назвали, важно кивнул головой.

– А я... Калки, – первый раз я назвал свое истинное имя.

Варинамин, похоже, не был знаком с индуистскими мифами, по крайней мере, со списком аватар Вишну.

Я решил внести уточнения в ситуацию:

– Меня направил к вам боблин Отшельник. Он сказал, что где-то в вашем мире обитает маг по имени Вечный Ребенок.

Варинамин задумчиво произнес:

– Да, мне доводилось слышать об этом маге... Но у нас его чаще называют Маркандеей.

– Маркандея?! – это имя тоже было мне знакомо. Согласно индуистским мифам, оно принадлежало святому мудрецу, йогу, который достиг просветления и встретился с самим Вишну. Вишну раскрыл Маркандее тайны рождения и гибели мира.

Варинамин заметил мое волнение:

– Ты с Маркандеей встречался раньше?

– Нет. Только слышал о нем... или о его тезке. Думаю, нам с Маркандеей или с Вечным Ребенком есть о чем поговорить. Ты не подскажешь, как его найти?

Варинамин призадумался, а потом сказал:

– Я точно не знаю, где он живет. Кажется, где-то на берегу озера Лотосов. Может быть, в заливе Наездников на крокодилах.

– Это далеко? – спросил я.

– Порядочно. Пешком дней двадцать.

– То есть, можно и не пешком?

Варинамин посмотрел на меня с нескрываемым удивлением:

– Ты же маг по крови? Так? Разве ты не умеешь летать?

Теперь пришел черед удивляться мне:

– Летать? Я?! Никогда даже не думал об этом. О том, что я маг, я узнал только вчера. Собственно, меня и направили к Вечному Ребенку для того, чтобы я набрался у него ума-разума.

– Понятно, – сказал Варинамин. – Пойдем. Скоро все соберутся на обед. Вместе подумаем, как тебе помочь.

Маленький Сашрин радостно захлопал в ладоши: «Обед, скоро обед!» и выскочил за дверь.

– Пойдем, маг, – махнул рукой Варинамин и улыбнулся, – посмотришь, как мы тут живем.

Соседняя комната была просторной, но уютной. В ней находились четыре широкие кровати и два больших шкафа. Вся мебель была деревянной, надежной, сработанной на долгие годы. Не какая-нибудь современная земная фанерно-картонная подделка.

Мы прошли через общую спальню и оказались в столовой. Посередине этой комнаты стоял большой стол, рассчитанный на два десятка человек. В нескольких застекленных шкафах были сложены стопки тарелок, блюдец, чашек. На видном месте были выставлены старинные изделия – из тонкого фарфора или стекла, расписанные тонкими узорами. Но большая часть посуды была явно изготовлена недавно, причем детскими руками. Она отличалась простотой и практичностью, так же, как и мебель.

В столовой было пусто, но из-за следующей двери доносились громкие женские (в смысле – девчоночьи) голоса:

– Гость?

– Маг?

– Как интересно! А как он выглядит? Он взрослый?

– Ой, девочки, я боюсь входить.

Варинамин улыбнулся и сказал мне:

– Видишь, Калки, как давно у нас не было гостей.

Потом он громко крикнул:

– Хватит щебетать! Выходите, поздоровайтесь с нашим гостем.

За дверью на несколько мгновений воцарилась мертвая тишина, которая затем взорвалась дружным смехом. Дверь раскрылась и в комнату, хихикая и толкаясь, ввалились три девчонки – приблизительно десяти, одиннадцати и четырнадцати лет. Увидев меня, они застыли, и только их глаза блестели от неумемного любопытства.

– Здравствуйте, меня зовут Калки, – сказал я.

Должно быть, девчонки ожидали увидеть и услышать что-то гораздо более значительное: необыкновенно-волшебное и потрясающе-чудесное. На их лицах отразилось некоторое замешательство и разочарование.

Варинамин решил взять ситуацию под контроль:

– Познакомься, Калки, это Гварна, Рамдана и Здария. Сегодня они дежурят на кухне, но, кажется, забыли о своих обязанностях. Я прав?

Последний вопрос был обращен к девочкам. Задан он был нарочито суровым тоном. Гварна, Рамдана и Здария тотчас же перестали на меня пялиться и по очереди назвали свои имена. Я трижды кивнул головой, что можно было расценить и как поклоны, и как подтверждение принятия информации.

Когда знакомство состоялось, Варинамин сказал девочкам:

– С нашим гостем мы подробно поговорим за обедом. А сейчас вам пора накрывать на стол.

Оглядываясь на меня и постреливая глазками, девочки удалились.

Варинамин обратился ко мне:

– Боюсь, что если мы здесь останемся, то обед задержится на полчаса. Давай, выйдем на улицу.

В столовой было три двери. Через одну мы вошли, за второй слышался возбужденный шепот девчонок, звон посуды, шипение кипящего масла и бульканье кипятка. Оттуда же доносились запахи готовившейся пищи. Несомненно, там располагалась кухня. Третья дверь была выше и шире остальных. Пройдя через нее, мы оказались в небольшой затемненной прихожей, а уже из нее попали на улицу.

Теперь я смог снаружи рассмотреть дом. Он чем-то был похож на старинную дворянскую усадьбу: массивное двухэтажное центральное здание, сложенное из толстых бревен, и расходящиеся в обе стороны более легкие крылья-пристройки. Мы с Варинамином вышли не из центрального здания, а из боковой пристройки. Чердак, на который я попал через магическую дверь, снаружи не был заметен. Он располагался под высокой двускатной крышей.

Прямо перед домом был разбит огромный сад, где одновременно цвели несколько видов растений. Это меня несколько удивило, так как на Земле и в Изначальном мире уже явно ощущались все признаки осени. Я сперва решил, что сезоны в разных Отражениях не совпадают, но потом увидел зреющие на отдельных деревьях плоды и понял, что окончательно запутался во временах года.

– Красиво тут у вас... – издалека начал я подготовку к выяснению своего времени и места пребывания.

– Да, красиво, – бесхитростно согласился Варинамин, – с любовью и гордостью осматривая окрестности дома. – Я как раз подрезал кусты, когда Сашрин сообщил о твоём появлении.

– Я что-то не пойму: у вас весна или осень?

– Что?

– Ну, я имел в виду, какое у вас время года?

– Что значит «время года»?

– Вот смотри: на одном дереве цветут цветы, а рядом – на соседнем – висят красные спелые плоды. Так быть не должно!

Варинамин недоуменно посмотрел на указанные мною деревья:

– Почему не должно? У нас всегда так – одни растения цветут, другие плодоносят, третьи набираются сил.

– То есть, у вас на всей планете постоянно тепло?

– Нет. Просто мы живем в такой климатической зоне. К северу становится холоднее, к югу – жарче. А нам нравится тут.

– Здорово! – я готов был от души позавидовать местным жителям, если бы постоянно не помнил о том, как недолговечно их пребывание в этом Эдеме. – Наверное, от желающих тут поселиться нет отбоя?

Варинамин пожал плечами:

– Почему же? Кто-то больше любит жаркий климат, кому-то нравится там, где прохладнее. К сожалению, у нас есть возможность выбора.

– Почему «к сожалению»?

– Нас слишком мало, – Варинамин вздохнул, – а мир слишком огромен.

– Понятно... – я из вежливости немного помолчал, но потом решил продолжить расспросы: – Ты, кажется, сказал, что до меня тут уже бывали маги. Если не секрет, кем они были?

– Это не секрет, но вряд ли я смогу сообщить что-то для тебя полезное. Сам я видел только одного мага. Вернее, это была девушка. Она долго не задерживалась в нашем доме. Она тоже искала Маркандею и, наверняка, нашла его. По крайней мере, этой дверью между мирами она больше не пользовалась.

– Как ее звали?

– Она назвалась Браспастой.

Я первый раз слышал это имя, и никаких ассоциаций оно у меня не вызывало. Единственное, что я понял – я не единственный маг в мире. По крайней мере, десять лет назад подобных мне существ насчитывалось немало. Но сколько нас осталось нынче?...

Варинамин прервал мои размышления, радостно воскликнув:

– А вот и все наши идут!

За углом здания послышались звонкие голоса, а вскоре показались и те, кому они принадлежали – пять парней и восемь девчонок в возрасте от шести до восемнадцати лет. Все они были похожи, как братья и сестры: светловолосые, худощавые, загорелые, одетые в костюмы и платья из грубого домотканого полотна.

Из-за густых кустов и ветвей деревьев местные жители заметили меня не сразу. И не удивительно! Из центрального входа в дом выскочили встречающие – семь малышей, а с ними две нянечки – десятилетние девочки.

– Мама! Папа! Мама! Папа! – разноголосый детский писк вспугнул всех птиц в саду.

Широко раскрыв объятия и выкрикивая имена детей, самые старшие ребята побежали к дому. Я замер от изумления. Те, кто выглядел, как мои ровесники, уже успели обзавестись одним-двумя малышами!

Пока родители обнимали и целовали своих детей, их спутники помладше наконец-то обратили на меня внимание. Они направились к нам с Варинамином. Мальчишки и девчонки с любопытством и без всякого страха или смущения разглядывали меня с ног до головы.

– Это Калки, наш гость из другого мира, – представил меня Варинамин. – Он пришел через чердак и скоро нас покинет. А пока этого не произошло – мойте руки и идите в столовую!

Негромко переговариваясь и оглядываясь на меня, жители Детского мира направились в дом.

– Пойдем и мы, – сказал мне Варинамин, – наверняка, обед уже готов.

Мы вернулись в столовую. Действительно, Гварна, Рамдана, Здария, Сашрин и еще двое малышей уже закончили расставлять на столе посуду.

– Наконец хоть кто-то появился! – воскликнула, увидев нас, Рамдана – самая старшая из девочек. – Помогите принести кастрюли с кухни!

Я не сразу понял, что эти слова адресованы мне и Варинамину. Поэтому скорее автоматически, чем сознательно, я пошел на кухню следом за своим провожатым. Только когда Варинамин взялся за одну ручку большой кастрюли, я сообразил, что вторая ручка предоставлена мне. Ну, что ж... Мы подняли тяжеленную емкость, вынесли в столовую и водрузили на середину стола.

– Благодарю! – Рамдана присела в шутливом реверансе и одарила меня благодарным взглядом живых озорных глазок.

Гварна сняла с кастрюли крышку, и по комнате распространился восхитительный аромат, сочетающий в себе цветочные, фруктовые и пряные запахи. Кроме горячего, на столе были выставлены блюда со свежими плодами. Некоторые из них напоминали земные яблоки, манго, дыни и ананасы, но большая часть была мне незнакома.

Столовая начала быстро заполняться людьми. Народу набилось более тридцати человек – больше, чем было мест за столом. Сюда пришли и самые старшие ребята (у двоих на руках были грудные младенцы), и малыши, и подростки.

– Вообще-то обычно мы обедаем по очереди в две смены, – сказал мне Варинамин, – но, похоже, никто не смог усидеть в своих комнатах, когда узнал о появлении мага.

Я не слишком уютно чувствовал себя под пересечением трех десятков пар глаз. Некоторые самые храбрые малыши дошли до того, что начали ощупывать мою одежду и рюкзак. Я улыбался (боюсь, что это выходило довольно натянуто и глупо) вместо того, чтобы шлепнуть им по рукам.

Вариномин еще раз представил меня, а потом назвал имена всех обитателей дома. Я с первого раза запомнил меньше половины, но переспрашивать из вежливости не стал. Кроме того, я не собирался надолго задерживаться в этом месте, поэтому продолжительного знакомства не планировал.

– Все вы знаете, – обратился Вариномин к своему народу, – что на нас возложена почетная обязанность – встречать пришельцев из других миров. Последний раз это событие произошло давно, и многие из вас знают о нем только из моих рассказов. Теперь вы своими глазами видите мага Калки, который пришел к нам, чтобы отыскать Маркандею. Мы должны ему помочь. Кроме того, вы, младшие, должны запомнить все происшедшее и передать знания своим детям. Пусть не прервется нить нашей жизни!

– Пусть не прервется нить нашей жизни! – нестройным хором отозвались все присутствующие в комнате.

Одна из старших девушек (ее звали Нарастоей, у нее было двое детей – одного года и трех лет) сказала:

– Я хорошо помню Браспасту. Она тоже искала Маркандею. Старшие тогда указали ей дорогу к озеру Лотосов. Браспаста силой своей магии заставила подняться в воздух большую корзину, в которой мы хранили запас орехов. Так в корзине она и улетела.

Рассказ Нарастои удивил только меня. Все остальные, наверняка, слышали его уже много раз.

– Калки не просто ищет Маркандею, – сказал Вариномин, – он еще не научился использовать свой магический талант. Я правильно тебя понял, Калки?

Я кивнул головой:

– Увы. Все навалилось на меня так неожиданно...

Почти не желая того, я подробно поведал благодарным слушателям историю о том, как из обычного московского школьника всего за один день превратился в мага Калки, которого враги преследовали по всем Отражениям. Наверное, мне надо было обязательно выговориться, чтобы привести в порядок собственные мысли и впечатления.

Я почти не удивился, узнав, что обитателям Детского мира было хорошо известно о существовании других обитаемых Отражений. Точнее, они знали, что не одиноки во Вселенной, но понятия не имели о том, что происходит в других мирах. Мой рассказ заинтересовал детей, развеял их любопытство, и мне пришлось ответить на множество вопросов о Земле и об Изначальном мире. Пока мы беседовали, обитатели дома непринужденно брали со стола еду, сидя или стоя жевали свежие и вареные плоды. Я едва успел подключиться к этому процессу, вовремя сообразив, что отдельно потчевать гостя никто из хозяев не собирается.

Еда закончилась, но разговор продолжался. Старшие ребята рассказали мне о Детском мире. Младшие тоже с удовольствием еще раз повторили неоднократно услышанные истории. Собственно, об истории этой планеты я не узнал почти ничего сверх того, что уже сообщил мне Отшельник. Более шестидесяти лет назад в Детском мире произошла война, в ходе которой был применен «Вирус старости». Так рухнула создаваемая тысячелетиями цивилизация. На ее руинах возникла новая жизнь: юная, светлая, но, к сожалению, недолговечная.

Впрочем, почему «к сожалению»? Детский мир избавился от многих взрослых качеств, которые и привели людей к гибели. Детям неведомы были жадность, зависть, ревность, тщеславие. Они знали о том, что все равны перед скорой неотвратимой смертью. У них не было нужды копить богатства и обустривать личное благополучие, так как не было возможности ими воспользоваться. Они не стремились к власти, так как в Детском мире не было правительств и правителей. Наоборот, заботясь о своих младших товарищах, они обретали уверенность в том, что их собственные дети также получают добро, внимание и ласку.

«Пусть не прервется нить нашей жизни!» – говорили обитатели Детского мира. В этих словах был заключен основной принцип их существования. От старших ребят к младшим

передавались знания и умения. Письменность была почти забыта, радио и телевидения не существовало. За шестьдесят с лишним лет сменились несколько поколений, так что довоенная жизнь казалась нынешним обитателям Детского мира чем-то легендарным, примерно как современным землянам – времена фараонов. Дети не представляли себе другой жизни, кроме той, которую вели. У них не было «детства» в привычном земном понимании. Едва войдя в сознательный возраст, они на равных трудились вместе со старшими.

Почти все обитатели Детского мира жили небольшими общинами численностью от десяти до ста человек. Они в основном питались растительной пищей, но яйца, мясо и рыба также входили в их рацион. Особенно популярным было мясо крокодилов и больших ящериц, которых добывали в южных озерах и болотах. Община, в которой я оказался, получала мясо рептилий в обмен на сушеные фрукты, грибы и орехи (деньги ушли в прошлое наравне с прочими «достижениями» взрослой цивилизации).

Я подумал, что в Детском мире практически воплотились идеи Дао: «Если не почитать мудрецов, то в народе не будет ссор. Если не ценить редких предметов, то не будет воров среди народа. Если не показывать того, что может вызвать зависть, то не будут волноваться сердца народа. ...Когда будут устранены мудрствование и ученость, народ будет счастливее во сто крат; когда будут устранены человеколюбие и «справедливость», народ возвратится к сыновней почтительности и отцовской любви; когда будут уничтожены хитрость и нажива, исчезнут воровы и разбойники. ...Нужно указывать людям, что они должны быть простыми и скромными, уменьшать личные желания и освобождаться от страстей (см. Примечание 1)»

Лао-цзы, наверняка, был бы счастлив, узнав, что по крайней мере в одном из миров кто-то следует его учению, даже не подозревая о существовании книги «Дао-дэ-цзин». Но были две вещи, которые поразили меня больше всего и которые мало соответствовали основным постулатам Даосизма.

Первое: от детей не скрывали правду об их судьбе. Они знали, что умрут, едва став взрослыми. Первые признаки действия «Вируса старости» проявлялись в виде темных пигментных пятен на коже. Получив такие «черные метки», повзрослевшие дети уходили в старые заброшенные города. Они не хотели причинять своим родственникам и друзьям боль. Города стали своеобразными лепрозориями и кладбищами, где обреченные на смерть люди доживали остатки своих дней. Смерть наступала примерно через два-шесть месяцев после появления первых пигментных пятен на коже. За это время пятна разрастались, покрывая всю поверхность тела. Плоть становилась рыхлой, кости – хрупкими. К счастью, умирающие не чувствовали боли, так как нервные окончания разрушались в первую очередь. Создатели «Вируса старости» некогда цинично называли его «гуманным оружием».

Меня пробирали дрожь, когда Варинамин спокойно и отрешенно рассказывал о том, что ближайший город-могильник находится всего в двух днях пути от этого дома. Туда ушли его родители и старшая сестра. Туда через год-другой предстояло отправиться и ему. Для младших детей территория городов являлась своеобразным «табу». И дело тут было не в каких-то запретах и наказаниях. Просто дети сами не хотели огорчать своих родителей, присутствуя при их кончине и разрывая их сердца слезами и душевными страданиями.

Вторым удивительным для меня открытием стало отношение обитателей Детского мира к продолжению рода. Здесь действовал принцип: «Что естественно – то не стыдно». Постоянные пары были большой редкостью, обитатели дома-общины вступали друг с другом в перекрестные связи, но при этом все четко помнили, кто кому каким родственником приходится. Это позволяло избегать рождения детей от близких родственников. Кроме того, и юноши, и девушки практиковали своеобразные секс-туры в соседние поселения, которые способствовали перемешиванию генов.

Нельзя сказать, что жители Детского мира не ведали любви. Просто их любовь распространялась на всех, а не замыкалась на ком-то конкретном. Общее хозяйство, совместное

воспитание детей, родственные связи превращали в единую семью не только одну отдельную общину, но и всех людей в округе.

И снова я вспомнил слова Лао-цзы: «В древности те, кто следовал Дао, не просвещали народ, а делали его невежественным. Трудно управлять народом, когда у него много знаний. Поэтому управление страной при помощи знаний приносит стране несчастье, а без их помощи приводит страну к счастью. ...Когда в стране существует Дао, лошади унавоживают землю, когда в стране отсутствует Дао, боевые кони пасутся в окрестностях. Нет больше несчастья, чем незнание границы своей страсти, и нет больше опасности, чем стремление к приобретению богатств. Поэтому, кто умеет удовлетворяться, всегда доволен своей жизнью.»

Детский мир был чист и светел, хотя в нем не исчезли болезни и смерть. Но люди были счастливы оттого, что не задумывались о том, счастливы ли они. Идеальное общество, о котором на Земле мечтали многие философы и мыслители, было почти воплощено в Детском мире... Но за это была заплачена очень высокая цена...

Разобравшись с устройством детского общества, я понял, что путешествие к озеру Лотосов, где, по слухам, обитал Маркандея или Вечный Ребенок, будет безопасным, сравнительно легким, но довольно продолжительным. Если бы я, подобно Браспасте, мог сотворить какой-нибудь летательный аппарат... Но, увы, я понятия не имел, с какой стороны подступиться к этой задаче. Так что приходилось надеяться только на свои ноги.

Как не приятно мне было находиться в гостеприимной общине, нужно было отправляться в путь. Я сообщил об этом хозяевам дома и начал вежливо прощаться.

– Куда же ты собираешься идти на ночь глядя? – удивился Варинамин.

Я посмотрел в окно и убедился в том, что тени деревьев уже смешались с первыми сумерками. Странно, мне показалось, что разговор длился не более одного-двух часов, а, оказалось, уже приближалась ночь.

– Есть и еще одно незавершенное дело, – сказала Нарастоя. – Калки, ты, наверное, не слышал об этом ранее, но у нас каждый гость оставляет свою кровь. Я имею в виду, каждый гость мужского пола.

– А?! – я сначала не понял, о чем она говорит.

Нарастоя и другие старшие девушки (вернее, женщины) заулыбались, а девочки помладше захихикали.

Варинамин объяснил мне:

– Мы нуждаемся в притоке свежей крови. Мы были бы очень благодарны тебе, если бы ты счел возможным оставить нам свое потомство.

Теперь я понял, очень хорошо понял, чего от меня ожидали. Это было настолько неожиданно... Но отказаться я не мог, да, честно говоря, и не хотел. Я пытался что-то сказать, но мое горло пересохло, так что я просто кивнул головой. Вся женская половина общины оживилась.

Варинамин повернулся к Нарастое:

– Ты готова?

Та с сожалением покачала головой:

– Нет. Боюсь, у меня осталось не так много времени. Я не успею выносить и выкормить ребенка. Скоро я уйду в город.

Она произнесла это совершенно спокойно, словно говорила не о приближавшейся смерти, а о пригоревшей на плите каше. И никто из членов общины не выразил жалости или сочувствия. Это произвело на меня впечатление еще большее, чем предложение стать отцом. Стойкость и мужество обитателей Детского мира превышали все мыслимые пределы.

А девушки тем временем решали, кто из них станет моими партнершами. Кормящие матери и те, кто уже ждал ребенка, выбыли автоматически. Многие девочки еще не достигли детородного возраста. В итоге выбор остановился на троих. Двое – Партрана и Карабира –

уже имели по одному ребенку и еще до моего появления присматривали себе подходящих партнеров. Третьей стала Рамдана, знакомая мне повариха.

– И где мы... так сказать... будем продолжать род? – спросил я.

Я боялся, что члены общины устроят из этого процесса общий ритуал.

Но Нарастоя меня успокоила:

– Обычно мы уединяемся в своих комнатах. Партрана и Карабира живут в отдельных комнатах вместе со своими детьми. Детей я возьму к себе, чтобы они вам не мешали. Рамдана до сегодняшнего дня жила в общей спальне с младшими девочками. Теперь и ей пора переселиться в отдельную комнату.

Приктор, двухлетний сынишка Партраны, подергал меня за рукав, и пролепетал:

– Сделай мне б'атика или сест'енку!

– И мне братика! – закричал еще один мальчуган.

Но Гарана, его мать, ласково взъерошила ему волосы и сказала:

– Братика ты получишь очень скоро.

Ее округлившийся живот подтверждал правдивость этого обещания.

Никому даже не пришло в голову поинтересоваться, имею ли я опыт общения с женщинами. Должно быть, подобные вопросы просто не приходили на ум обитателям Детского мира. Для них отношения между полами являлись такими же естественными, как съедание пищи. К счастью, мы с Маришкой уже изучили азбуку любви, так что я не боялся показаться неграмотным или неумелым.

Карабира предложила мне:

– Давай, Калки, пойдем в мою комнату прямо сейчас. Моя Карная привыкла спать вместе со мной в одной кровати. Так что ночь я хотела бы провести с ней, а не с тобой.

Карная, годовалая дочь Карабиры, в это время сидела у нее на коленях и с любопытством меня рассматривала.

– Да, да, идите! – сразу подхватила Нарастоя. – До ужина еще есть время. Я пока подготавливаю комнату для Рамданы. А на кухне Рамдану заменит Керамана.

Все произошло естественно и как-то буднично. Вначале мы с Карабирой совершили предварительные гигиенические процедуры (в доме имелись несколько туалетов и ваннных комнат; воду вручную заливали в большой бак на крыше, где она нагревалась на солнце и потом самотеком поступала в водопровод). Потом по запутанным коридорам и межкомнатным переходам мы отправились в покои Карабиры. Старшие и младшие члены общины занимались своими хозяйственными делами и совершенно не обращали на нас внимания. Ну, разве только совсем чуть-чуть. Самые младшие с непринужденным любопытством разглядывали мою необычную одежду, а то, что мы собирались уединиться с Карабирой, их совершенно не волновало.

Комнатка, куда привела меня Карабира, была маленькой и уютной. Из мебели в ней присутствовали только шкаф для одежды и широкая кровать. На этой-то кровати мы с Карабирой и выполнили все действия, необходимые для зачатия ребенка. Карабира была мягкой и податливой, но на мои попытки разнообразить процесс реагировала без особого энтузиазма. Я не стал настаивать, и постарался побыстрее закончить работу.

Затем мы вновь отправились в ванную, а потом вернулись в столовую, где Здария и Керамана поднесли нам большие стаканы свежесжатого сока.

– Спасибо, Калки, я, пожалуй, пойду, уложу спать Карную, – сказала Карабира... и ушла.

Здария, девчушка лет одиннадцати-двенадцати, налила мне еще один стакан сока и, подсев на соседний стул, деловито спросила:

– Калки, ты придешь к нам еще раз?

– Еще раз?

– Ну, года через два. Мне бы тоже хотелось родить от тебя ребенка.

Я уже почти свыкся с местными нравами, так что допил сок, даже не поперхнувшись. Потом я сказал:

– Здария, милая, я даже не знаю, где буду находиться и что буду делать завтра вечером! Мне бы хотелось тебя... обнадежить, но, увы, я не могу тебе ничего обещать.

Девчушка с совершенно серьезным видом произнесла:

– Ты уж постарайся! Я буду тебя ждать ровно два с половиной года. Если ты не появишься, я пойму, что ждать больше нечего, и рожу ребенка от кого-нибудь другого.

Из кухни высунулся Сашрин:

– От меня!

– Ты не успеешь вырасти!

– Успею!

– Не успеешь!

– Успею!

Здария вскочила со стула и шутливо погналась за мальчиком:

– Сейчас я тебе покажу, как ты успеешь!

Они исчезли на кухне. Оттуда послышался звон посуды и залиvistый детский смех. Из-за этих громких звуков я не услышал, как за моей спиной появились Нарастоя и Партрана.

– Карабира забрала у меня свою дочь, – сказала Нарастоя. – Она сказала, что ей с тобой было хорошо.

– Мне тоже, – я вопросительно посмотрел на Партрану: – Ты следующая?

– Наверное, да. Рамдана еще устраивается в своей новой комнате. Она хочет, чтобы все было красиво. Понимаешь, Калки, ты будешь у нее первым.

Мне еще не доводилось становиться «первооткрывателем». У Маришки я был не первым и, как подозревал, даже не вторым.

– Я буду осторожен с Рамданой, – пообещал я.

– Хорошо, – улыбнулась Нарастоя. – Иного ответа я и не ожидала.

Я посмотрел на свои часы (на самом деле это было бессмысленно, так как они показывали половину третьего, а за окнами дома уже сгустились сумерки) и спросил:

– Ну что, Партрана, успеем до ужина?

Та одарила меня многообещающим взглядом и ответила:

– Не будем торопиться. До ужина осталось слишком мало времени.

Действительно, работа на кухне была в самом разгаре. Выглянув из двери, Здария распорядилась:

– Чем без дела сидеть, помогли бы тарелки расставить!

Не прошло и десяти минут, как стол был накрыт. К этому времени в столовой начали собираться члены общины. Вновь пришли все, кто жил в доме. Никто не хотел пропустить встречу с магом из другого мира, причем, возможно, единственную в их короткой жизни. Я опять отвечал на вопросы о жизни на Земле. Мои истории воспринимались в Детском мире, как сказки о далеких волшебных странах. Керамана ворчала, что ужин готовили на одну смену, а явились сразу обе. Но никто не жаловался на голод или на недостаток пищи.

Вскоре стемнело настолько, что пришлось зажечь фитильные лампы в бумажных абажурах. Масло для заправки ламп добывали из особых растений. Станок для отжима и перегонки горючей жидкости сохранился еще со старых времен и являлся предметом особенной гордости членов общины.

Разговоры за столом, наверное, могли бы продолжаться всю ночь, если бы Варинамин не положил им конец:

– Ладно, пора готовиться ко сну. Завтра у нас много дел. Калки, Партрана, вы можете идти, а мы пока распределим работы на завтрашний день.

Когда мы выходили из столовой, за спиной я слышал два голоса.

Вариамин говорил:

– Давайте решать, кто чем займется. Нужно собрать яблоки, постирать одежду, сходить в лес за грибами, залить воду в водонапорную вышку...

А маленький Приктор в это время гордо сообщал другим малышам:

– Ско'о у меня будет маленький б'атик или сест'енка!

– У тебя общительный сын, – сказал я Партроне, чтобы завязать разговор.

– Да уж, – согласилась она. – Приктор – непоседа и болтун.

Произнесено это было с такой теплотой и любовью, что моего сердца коснулась волна нежности. Пока я и Партрона шли по безлюдному дому (все его обитатели остались в столовой), мы болтали о всяких забавных пустяках. Комната Партрона находилась в другом крыле дома. В ней сразу ощущалось присутствие двухлетнего мальчишки. Наверное, порядок, который пыталась навести его мать, не мог продержаться дольше получаса. Даже сейчас по полу были разбросаны старые игрушки, а маленькая кровать Приктора выглядела так, словно по ней промчалось стадо гиппопотамов.

– Это еще ничего, – с извиняющейся улыбкой произнесла Партрона. – По утрам мне приходится искать рубашку Приктора на шкафу, а штанишки – под кроватью.

– Здесь очень мило, – сказал я. – Главное, что для нас есть местечко.

– Тогда не допустим, чтобы оно пустовало! – Партрона сдернула со своей кровати покрывало.

В отличие от Карабиры, Партрона была игривой и изобретательной. Этим она напомнила мне Маришку, которая также любила поэкспериментировать, вычитав в новом номере какого-нибудь «журнала для девочек» интересные рекомендации.

– Жалко, что ты завтра уйдешь, – сказала Партрона, когда мы, приятно утомленные, лежали рядом. – Следовало бы повторить зачатие. Вдруг с первого раза не получится?

– Можно повторить прямо сейчас... То есть, минут через десять.

Партрона понимающе улыбнулась, но отказалась от моего великодушного предложения:

– Нет. Тебя ждет Рамдана. Нехорошо получится, если ты не сможешь доставить ей столько же удовольствия, сколько доставил мне.

– У меня хватит сил и на Рамдану, – не без гордости сказал я.

Партрона немного поколебалась, но потом с заметным сожалением произнесла:

– Нет, Калки. У Рамданы это будет в первый раз. Она должна получить от тебя всю возможную ласку и нежность. Так что одевайся и пойдем в столовую. Тебе надо подкрепить силы.

В доме еще никто не ложился спать. Группками по несколько человек члены общины играли в разнообразные игры, похожие на шашки, нарды и карты. Кто-то читал, кто-то вырезал из дерева фигурки, кто-то разучивал с малышами стишки и песенки. В общем, жизнь обитателей Детского мира с раннего утра и до позднего вечера была заполнена всевозможными делами. Они не скучали, потому что постоянно находили для себя работу по душе и для общей пользы.

Мы с Партронной приняли душ, а потом через весь дом прошли в столовую. Остатки ужина были убраны, посуда вымыта и убрана в шкафы. Все дежурные по кухне разошлись, осталась только Рамдана, которая ожидала нашего появления. Встретив ее взгляд, я прочитал в нем нескрываемое предвкушение. Она жаждала приобщиться к одному из самых замечательных таинств взрослой жизни. Впрочем, почему именно взрослой? В Детском мире взросление означало конец жизни, а не ее начало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.